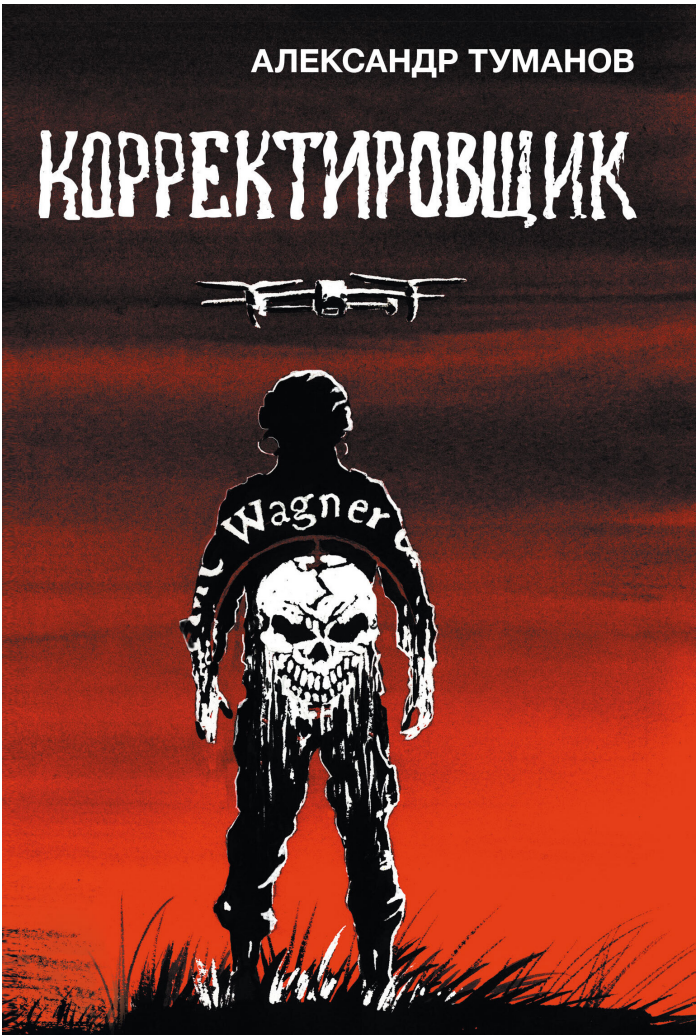
АЛЕКСАНДР ТУМАНОВ

КОРРЕКТИРОВЩИК

Война глазами дроновода ЧВК «Вагнер»

Александр Туманов

Корректировщик. Война глазами дроновода ЧВК «Вагнер»

Серия «Военная проза XXI века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73378263
ISBN 978-5-00155-897-2

Аннотация

Автор этой книги прошёл путь из мест лишения свободы к службе в ЧВК «Вагнер» и без утайки делится своим боевым опытом. Это не просто описание тяжелейших боев, а взгляд на современную войну глазами того, кто кардинально изменил свою судьбу, подписав контракт и оказавшись в самой гуще СВО. От первого лица, изнутри «конторы», вы узнаете, как устроена служба в «Вагнере», как выживают и побеждают в условиях непрекращающихся боёв. Корректировщик, прошедший через ад позиционных сражений под Бахмутом, делится с читателями своими размышлениями о войне, о жизни и смерти, о долге и чести.

Эта книга – ваш шанс увидеть войну такой, какая она есть на самом деле, прикоснуться к окопной правде вагнеровцев, скрытой за бравурными новостными сводками.

«Никакой отпуск, сколько бы он ни длился, не отпустит тебя от этого никогда. Даже если война закончится завтра, а послезавтра ты окажешься дома, она с тобой до конца жизни. Как и её страшная, подлая сущность…»

Содержание

Предисловие 6
Глава 1 8
I 13
II 30
Глава 2 55
III 59
IV 85
Конец ознакомительного фрагмента. 97

Туманов Александр
Корректировщик
Война глазами дроновода ЧВК «Вагнер»

© Туманов А., 2026
© necro_neon (худ.), 2026
© Багринцев Д. (худ.), 2026
© Абеленцева А. (худ.), 2026
© ООО «Яуза-каталог», 2026

В оформлении обложки использована иллюстрация А. Абеленцевой

Предисловие

Все люди на страницах данной книги – абсолютно реальны. В силу определённых причин часть позывных изменена. Впрочем, внимательный читатель быстро выявит некую закономерность и всё поймёт.

События, описанные в ходе повествования, – абсолютно реальны. С некоторыми допущениями по причине слабости человеческой памяти. И по соображениям цензуры, само собой.

Топонимы оставлены как есть. Любознательный читатель элементарно на общедоступных картах найдёт все места, о которых говорится в книге.

В начале каждой главы присутствует самостоятельная история, не связанная с основным повествованием. Почти.

Некоторые вопросы, поднятые на страницах, останутся без ответа в *этой* книге.

Благодарю родителей за всё. Юну – за огромную помощь. Контору за то, что остался жив и нашёл себя.

Особая благодарность Алексею за его вклад в сей труд.

В память о тех, кто навечно остался в посадках, полях, земле.

Фрагмент рисунка Д. Багринцева «Поредевшая рота»

Глава 1
Из мёртвого дома

Все попадают на войну по различным причинам.

Для кого-то это сугубо внешнее влияние, со временем превращающееся в личную историю. Сначала человек не может спокойно смотреть новости. Потому что события на экране плавно перетекают в его голову, тесня житейские заботы. Мешают ему заниматься повседневной рутиной. И вот человек уже не может усидеть дома, зная, что где-то там гибнут его знакомые, друзья, товарищи или просто – *свои* люди. Отчего он срывается, бросает всё. И едет туда, где ни ему, ни кому-либо ещё делать совершенно нечего. Потому что по приезде он понимает, что его лучшие побуждения здесь никому не нужны. Что среди перепаханных посадок, обагрённых кровью тысяч погибших людей, нет никакого геройства и защищать там нечего. Что в изломанных ходах сообщений, в месиве которых утонули следы прошедших по ним грязных и искалеченных войной людей, он услышит только гуляющий ветер, доносящий до самых дальних закоулков траншей эхо разрыва и чей-то предсмертный крик. Такому очень повезёт остаться в живых. Вернуться домой после войны целым и невредимым, с отяжелённой никому не нужными висюльками грудью. И возможно, с чистой совестью и «всего

лишь» несколькими тенями погибших товарищей, замерших до конца жизни за спиной. Чьи холодные, пустые и требовательные руки будут тормошить его по ночам. Чтобы разбудить и глухо прошептать странным шуршанием в полых стенах: за что нас так жестоко обманули?

Кто-то поедет за яркими ощущениями и хорошими деньгами, ну или чем-то схожим материальным. Проверить себя. В поисках искомого он расстанется со своей прошлой жизнью, переродится в кого-то другого, пока будет лежать на дне воронки посреди накрываемого кассетами поля. Ему очень повезёт, если из всей разгромленной артиллерией и дронами колонны он уцелеет не один и в воронке рядом с ним окажется флегматичный и безмолвный товарищ. Который замотает кровоточащую рану, не замеченную из-за всплеска адреналина. Ещё больше повезёт выбраться с этого визжащего и рычащего пира смерти живым. Повезёт не оказаться козлом отпущения перед компетентным командиром, который уже не ждал, что кто-то вернётся с этого безымянного поля, оставшегося ничьим по итогу безрезультатной атаки. Но на самом деле не ничьим, оно в вечной власти главнокомандующего любой войны – смерти. Которая отблагодарит компетентного командира новой медалькой.

За местью явятся самые страшные и наиболее морально подготовленные для войны люди. И их врагам очень повезёт, если они не успеют научиться выживать и убивать. Потому что молодой пацан, чью семью расстреляют у задней стены

хаты в 2014-м перед его детскими глазами, вырастет с одной-единственной целью в жизни. Полностью подчинённый этой цели и живущий только ради её выполнения – уйти самому, но так, чтобы *они* запомнили. Запомнили эти, теперь уже не детские, но пустые, полные безумной и слепой глубины, затягивающей в себя всех окружающих, глаза. Глаза человека настолько целеустремлённого, что он в своей жажде отомстить лишается почти всего человеческого. Таким людям удача уже не нужна, им нужен только покой. Который они не получат в мире живых, даже уничтожив всех вокруг.

Ради казённого долга и патриотизма поедут многие поначалу, пока эти слова ещё будут звучать не только из телевизора, но и в сердцах поверивших государству людей. Поедут для того, чтобы на первом же штурме, столкнувшись с отсутствием артиллерийской поддержки, эвакуации, команд, плана, помощи, остаться наедине с огненным вихрем из пуль и осколков. Который заберёт товарища, шедшего позади тебя. Снесёт его ударной волной и пучком осколков, за секунду превратив чьего-то мужа и отца в розовую пыль, медленно оседающую на сырую землю. Накроет тебя оглушившим и ослепившим разрывом. После которого очнёшься уже где-то на «ноле» под грубыми, но уверенными движениями медика. Который замотает твоё израненное, бесчувственное тело словно мумию в спасительный саван. Через пару месяцев госпиталя ты вернёшься обратно, чтобы узнать, что командир батальона, отправивший твоё отделение на смерть,

продолжает сидеть на своём месте. С новенькой медалькой в красивой бархатной коробочке, поставленной гордой женой дома на самую видную полку в гостиной, под радостные возгласы славных детишек. Комбат встретит тебя настолько пустым и безразличным взглядом, что ты сразу поймёшь цену тех идеалов, ради которых приехал на войну. Он после этого может тебе и руку пожать и наговорить много очень правильных слов, даже похвалит. Но его взгляда тебе хватит с головой. Ты продолжишь выполнять тот самый долг, ради которого приехал, но не из-за патриотизма. А потому, что по-другому уже нельзя. Или потому, что не можешь ничего поменять, пока война не кончится. Ты – лишь очередной винтик в обильно смазанном чужими судьбами механизме. Которому «повезло» остаться, потому что он выполняет свою работу. И будет её выполнять, пока механизм не встанет или винтик не сломается.

Ради самой войны поедут очень немногие. Эти сродни «мстителям», только им, чтобы убивать и разрушать, причина не требуется. Это их образ жизни и работа. Они такие уже давно, настолько давно, что не помнят и сами. На самом деле в эту категорию попадают крупицы выживших в прошлых конфликтах, которые смирились с тем, что они люди войны. И по-другому ни жить, ни умереть не могут. Профессиональные убийцы – это и есть война в человеческом воплощении. А потому они будут стрелять, взрывать, уничтожать не ради какой-то цели, а из естественной потребности их единствен-

ного божества в постоянном поступлении новых душ. Это их смысл жизни, потому что другого – просто нет. Самые опасные люди, потому что уже не люди. Но и не винтики. Они – движущая сила, порождаемая недрами этого неостановимого, вечно голодного зверя. Таким удача не нужна. Им вообще ничего, кроме крепких дурманящих объятий со смертью, не нужно. Потому что только в них они могут забыть то, кем они являются.

Люди, попадающие на войну, когда у них есть выбор, руководствуются разными причинами. Но есть те, для кого выбора особо и нет… Здесь начинается моя история.

I
«Забудьте, кто вы и откуда прибыли»

О том, что компания собирает людей на войну, я узнал примерно в середине июня. А ещё через неделю эта информация подтвердилась. Более того, мне сказали почти точное время, когда я смогу исправить то, во что вляпался пятью годами ранее.

И вот, в конце августа 22-го года моя мечта наконец осуществилась. Два месяца томительного ожидания и тотального забивания на ежедневный быт учреждения подошли к логическому завершению. Представители ЧВК «Вагнер» наконец-то доехали до места, где я находился, и предложили записаться на войну в составе компании. Наш набор был далеко не первый, в третьем десятке, но Пригожин и Уткин явились лично в сопровождении нескольких сотрудников компании. Никаких вертолётов, приземляющихся на территории, не было. Несколько дядек в серо-зелёном вошли своими ногами с сопровождением слегка поникшего начальства в синем. Насколько всё серьёзно, построенные в полном составе на плацу учреждения люди поняли быстро – мужики пришли с личным оружием в кобурах открытого ношения. Что всеми писаными и неписаными правилами и законами было строжайше запрещено. Даже сотрудники ФСБ не могли зайти на территорию с оружием, только с телефонами.

Предложение компании ныне хорошо известно. Помимо устных и письменных свидетельств очевидцев и причастных, имеются и видео. Так что распространяться на предмет того, что давала компания в обмен на полгода моей жизни, я не буду. Замечу лишь то, что я вообще не рассчитывал, что добровольцам будут платить деньги. Мне бы хватило и обеления. Искупления, если угодно любителям художественной прозы. Когда же сказали, что ещё и деньги будут платить, я вообще охренел и начал уже нетерпеливо пританцовывать, наверное. Ну то, что аж затрясло от предвкушения, – такое точно было. Как вы поняли, я ждал заранее, целых два месяца. Заранее же всё обдумал. Потому без сомнений пошёл записываться сразу после построения под недоумевающие вопросы некоторых знакомых. Вообще, конечно, у меня в этом плане была весомая фора – ведь я знал о примерной дате приезда вербовщиков. Для большинства же слухи о конторе, набирающей людей на войну, оставались одной из сотни ходивших среди толпы баек. К такому все привыкли, а потому редко обращали внимание.

Всего в первый день набралось порядка трёхсот человек. Но многие записались не подумав, да и по родным начнут звонить уже после того, как сходят в штаб. За последующие три дня большинство передумает либо их отговорят. Причём не только другие люди вокруг и родственники, но даже сотрудники учреждения. Уж не знаю почему, но конкретно у нас людей отговаривали. Наверное, из-за того, что это были

первые наборы. Ещё не спустили команду централизованно сплавлять как можно больше народу на войну. Не уверен, потому могу лишь гадать. Хотя, учитывая ход событий на четвёртый год СВО, скорее всего, в вопросе вербовки добровольцев я не очень далёк от истины.

Примерно 29 августа в одном из дворов учреждения собралось 116 добровольцев. Именно столько людей осталось после того, как отпали по различным причинам остальные. Все уже были переодеты в ту гражданскую одежду, что имелась на руках. У кого совсем ничего не было – поделилось остальное общество. В чёрной «фирменной» униформе с полосами не было никого.

Из моих близких знакомых, с кем я хорошо общался в учреждении, не поехал никто. Курить я не курил, давно бросив к тому моменту. Перемывать по сто раз то, что нас ждёт, не хотел, потому что у меня иллюзий по поводу того, куда мы поедем, не было. Так что в кучках по интересам я особо не задерживался, оставшись наедине со своими мыслями, подальше от сигаретного дыма.

Волнение владело мной, но не то, неуверенное, которое должно было быть в такой ситуации. Наоборот. Я чётко ощущал всем своим естеством, что это максимально правильное решение. Из тех редких правильных решений, которые влияют и запоминаются на всю жизнь. Так что я был скорее преисполнен отъездом и ощущал явное воодушевление в ожидании грядущего освобождения во всех смыслах.

– О, здорова. – Знакомый голос отвлёк меня от созерцания белой оштукатуренной стены.

– Долгий! Тебя-то куда понесло? – Кого-кого, а уж этого человека я точно не ожидал здесь увидеть.

– Туда же, куда и тебя. – Мы пожали друг другу руки. – Домой охота побыстрее, да и правильней так будет.

Других слов я от Вити Долгого и не ожидал на самом деле (тем более именно так он и не говорил, но, зная его, я смело впихну их в состоявшийся в тот поздний вечер диалог). Он работал в учреждении электриком, причём неплохим. Знал, что и как нужно делать своими руками, чтобы быть ценным спецом в своей области. И даже проходил через посвящение в электрики – был серьёзно бит током пару раз. А ещё он знал, с кем и какие дела можно вести, а с кем лучше вообще не разговаривать. Ну и с администрацией у него всё в порядке было, потому что какой-то он себе на уме был и у сотрудников к нему вопросов не возникало. А благодарю своему отношению к работе он быстро стал таким человеком, из-за которого у этих самых сотрудников были бы проблемы, попробуй они на него наехать по той или иной причине.

Мы с ним общались и даже проворачивали некоторые мелкие делишки именно на почве схожего подхода ко взаимодействию с учреждением и его обитателями, причём неважно какими – в чёрной или синей форме. Так что он был одним из немногих людей из общей массы, с кем я контактировал на постоянной основе, периодически заходя в его ра-

бочую комнату просто так, поболтать да почаёвничать. Идеальные вводные для того, чтобы можно было назвать такого человека товарищем. Собственно, так и было.

Прождали мы часа два, после чего машины были поданы, и мы, пройдя через очередной обыск, набились в системный транспорт, как кильки в банку. То есть как обычно. Ну а далее меня ждала ночь пренеприятной, как и всё в той организации, дороги. С другой стороны, когда тебя подпирают со всех сторон стенки либо плечи сидящих рядом людей, гораздо легче уснуть – не нужно удерживаться в пространстве. Чем я и попытался заняться с превеликим удовольствием. Ехали всю ночь. Пока ранним утром транспорт не остановился и нас не выпустили сначала на оправку, а потом уже и окончательно высадили со всеми вещами посреди площадки для стоянки самолётов. Мы оказались на военном аэродроме на севере области, откуда в начале СВО стратегические «тушки»[1] летали бомбить Украину. Там нас сдали на руки сотруднику (одному!) компании, оставив в сопровождение от системы какого-то несчастного майора в синей форме. На которого в дальнейшем было очень смешно смотреть, потому что он, походу, впервые в жизни находился среди толпы людей, которых буквально вчера ещё за людей не считал. И изюминка была в том, что толпа всё прекрасно знала, и по-

[1] В данном случае имеется вполне себе определённая модель самолётов семейства Ту. Пусть будут 22-е, но могут быть и 95-е и 160-е, дабы не возбуждать товарища майора.

нимала, и чувствовала его неуверенность, если не страх.

Тем не менее вы не представляете, но никаких буйств, беспредела, драк, побегов и прочей энтэвэшной чушатины. Самое худшее, чего натерпелся синий майор,– безобидные подколы, даже без наездов. Все просто послушали сотрудника компании, который особо-то и не говорил ничего сверх «грузимся в самолёт и погнали» и полезли в готовящийся ко взлёту борт. Ах да, наше персональное такси воздушно-космических авиалиний. Огромное чрево Ил-76[2], готовившегося ко взлёту, встретило нас кучей серого металла и сплошными рядами сидений вдоль бортов. Так я впервые оказался внутри военно-транспортного самолёта. Когда машина оторвалась от земли, выяснилось, что моя вестибулярка, сильно чувствительная в детстве, теперь окрепла. Так что во время перелёта я не блевал, а чуть позже вообще уснул, периодически встряхиваемый турбулентными судорогами пузатого Ила. Сумасшедший реактивный рёв, плотно заполнявший всё вокруг, мне при этом совсем не помешал. Возможно, потому, что по дороге на аэродром нормально поспать так и не получилось. Самолёт приземлился через несколько часов в Миллерове. О чём я догадался, как только мы вышли на улицу под завывание утихающих двигателей. Не так много военных аэродромов, под завязку забитых штурмовой и ар-

[2] Один из самых удачных военных транспортных самолётов за всю историю мирового авиастроения.

мейской авиацией («грачи» с «аллигаторами»[3]), находилось неподалёку от границы с ЛДНР. Солнце стояло уже высоко, и это выдало интересный контраст. Залезали в самолёт мы ранним серо-синим утром, обдуваемые прохладным ветерком, а выходили уже посреди залитой ярким солнечным светом рулёжной дорожки, под душноватым суховеем. Вообще для дальнейшего повествования я немного о своём довоенном опыте обмолвлюсь, чтобы было понятно, откуда это я про технику военную и аэродромы знаю и пониманию. Лет этак с двенадцати я уже плотно сидел на военных стратегиях, авиасимуляторе Ил-2, военных тактических симуляторах (в частности, «Флешпойнт»). Отсюда выросло моё увлечение сначала историей ВОВ, затем вообще военной. В старших классах я уже умел читать карты, в том числе армейские, знал натовские и наши обозначения на таких картах. Понимал в теории, что такое артиллерия, танковые войска, что такое армейский организм в целом. Знал про стратегию, тактику. Поверхностно, но представлял себе действия пехотных и других подразделений, работу артиллерии в атаке, обороне, на марше. Да, типичный диванный эксперт получается. Только мне было интересно про всё это читать и смотреть не в бложиках сомнительных авторов и по телевизору. А в монографиях, статьях ВИЖа[4] и тогда ещё очень редких и поверхностных лекциях на ютубе. Так что матчасть я изу-

[3] Штурмовик Су-25 и вертолёт Ка-52 соответственно.

[4] Военно-исторический журнал.

чал сильно глубже среднестатистического «эксперта». Отсюда, кстати, выросло и увлечение историей Союза в целом. Ну и сформировались взгляды на то, каким должны быть государство и общественный строй для того, чтобы эффективно проходить через вызовы истории. Например, как прошло сквозь тяжелейшие испытания Великой Отечественной Советское государство. И как сейчас проходит уже нынешняя Россия в СВО. Если обобщать, то как выглядит Миллерово и где оно примерно находится, а также почему не всех в 37–38-м перестреляли (субъективное мнение), я действительно знал не понаслышке. Кстати, вернёмся обратно на аэродром.

Там нас в одном из полукруглых рифлёных ангаров недалеко от полосы обмундировали, выдав полный комплект всей одежды и обуви на ближайшую осень. Тогда я не понял, почему зимних вещей не было. Но позже узнал погоду Донбасса изнутри: когда помесил осенний раскисший на ядрёном солнце чернозём, поработал в октябре на улице без майки и поплавал крайний раз в Углегорском водохранилище аж в начале ноября. После выдачи одежды, спальников, каремато[5] и прочих вещей нас посадили на транспортные Ми-8 и далее повезли куда-то над Луганщиной. Летать на военном вертолёте мне было не в новинку (в детстве сослуживцы отца прокатили на «двадцачетвёрке»), но в «восьмёрке» я на-

[5] Специальные коврики, на которых спят в полевых условиях. Как я понял, существовали задолго до войны (в частности, для туристов), но массово населению стали известны после начала СВО.

ходился в первый раз. Ощущения потрясные, особенно от того, что пилоты шли на минимальной высоте, «подпрыгивая» над посадками и «ныряя» обратно над бесконечными полями.

Ох уж эти поля и посадки. Пока ещё мирные и целые, с зелёными деревьями, облепленными листвой. Как быстро я отвыкну от этой картины, даже представить было трудно в тот момент. Эх, беззаботные времена! Когда «посадка» означала просто линию деревьев вдоль дорог и полей. Сейчас у меня это слово ассоциируется исключительно со штурмовыми действиями пехоты, разрывами артиллерии, человеческими криками и жадностью оборзевшей смерти. Но до этого я дойду позднее, когда насмотрюсь на все эти потоки крови, боли и смертей вблизи. Ну а пока я беззаботно глядел в окошко, где проносились типичные пейзажи Малороссии, не тронутые боями. Такой же нетронутый и безмятежный.

Вертушки спустя менее часа полёта сели на какой-то пашне рядом с лесом или густой посадкой, не особо понятно было. Мы по одному спрыгивали с рубивших воздух тяжёлыми винтами Ми-8, когда один человек неудачно приземлился на неровную сухую землю и подвернул ногу. Как выяснилось позже, не подвернул, а сломал. Его внезапно не посадили со всеми в стоящие под деревьями «Уралы», но отправили в госпиталь, как я узнал сильно позже. Далее нас на старых раздолбанных грузовиках повезли по дорогам Луганщины. Сначала по грунтовке через поля и посадки, потом выеха-

ли на асфальт. Пару раз проскакивали небольшие населённые пункты, которые пролетали почти без остановок. Тут я впервые полноценно встретился с гражданской жизнью, но ещё до конца этого не осознал – сидел в глубине грузовика и многого не успевал увидеть.

Начинающаяся осень не ощущалась совсем. Солнце грело – моё почтение. В «Урале» моментально стало жарко, даже несмотря на откинутую шторку тента. Ещё и по дурацкой привычке все одновременно курили, так что периодически в кузове было нечем дышать. Поэтому наблюдать за улицей и чего-то там свободного подмечать я банально не мог – боролся с духотой и едким сигаретным дымом. Но больше с духотой – ненавижу жару.

Приехали мы спустя часов пять куда-то в район Стаханова на заброшенное производство плитки под вечер. Там нас разместили в пустом ангаре на поддонах, буквально на бетонном полу. После учреждения мне было не привыкать к жизненным лишениям. Так что, как и все остальные, я раскатал каремат, на него положил спальник и заполз внутрь. Отсыпаться после дороги.

С утра внезапно нас никто пинками не разбудил, не стал строить и рассказывать, что мы тут приехали на убой, что мы одноразовые и прочие неприятные моменты, с которыми многие люди на войне таки сталкиваются. Часам к девяти-десяти, когда основная масса проснулась сама, а многие, как и я, уже выяснили обстановку вокруг – где мож-

но помыться, постираться, сходить в туалет, – пришёл молодой пацан и представился главным на объекте, где мы оказались. Объяснил простейшие правила, чего можно и нельзя, где взять поесть, попить, что нас ждёт в ближайшее время. При этом никаких построений в восемнадцать шеренг и пятнадцать колонн, воинских приветствий, званий и прочего ненужного на войне бреда. Скорее бригадир собрал свою команду и обрисовал план работ на день. Короче, изначально атмосфера формировалась максимально лояльная для вновь прибывших. Как мне, да и не только мне, тогда показалось.

За последующие несколько дней на «Плите» – именно так назывался объект, как я случайно узнал уже сильно позднее, – мы занимались тем, что получали оружие, подписывали немногочисленные бумаги, звонили домой, забирали жетоны. Как я понял, ждали, пока нас распределят сами конторские. Потому что вся тамошняя движуха могла занять день, максимум два, но в итоге задержались мы на четверо-пятеро суток. Самым запоминающимся было получение жетонов и оружия.

Первое произошло на следующий день после прибытия. Пришёл тип с кучей жетонов и тонким журналом. Все по одному подходили к нему и получали жетон с порядковым номером. После чего в журнал напротив номера записывался выбранный тобой позывной. Мне и остальным повезло: в наш приезд ещё была возможность придумать, как звать-ся, самому. Вскоре партии новобранцев будут лишены этой

привилегии по причине огромного количества поступающего народа. А в конторе одинаковых позывных не было, такое правило. Так что процесс выдачи имён повесили на компьютер.

Я вытащил свой жетон в третьем десятке и начал называть заготовленные варианты. Сначала шёл персонаж-военный одной из моих любимейших серий современной фантастики (зря улыбаетесь, вы ещё с анимешниками не знакомы; вот там творческая фантазия у людей зашкаливает). Но «Туман» оказался занят. Как и несколько других позывных, названных следующими. После чего я выдал финальный вариант, который слишком уж напоминал кой-чего из времён гитлеровской Германии, но на самом деле отсылал к древнеславянской мифологии. И вот он прошёл, не был занят. Так и получилось, что я стал тем, кем потом запомнился некоторым людям.

А ещё тогда я подсказал позывной Долгому. Потому что он сам ничего придумать не мог и хотел оставить просто свою фамилию, но ему сотрудники не разрешили. Витя думал какое-то время, пока ему не сказали, что сейчас назначат случайный. А это в компании было расхожим приколом: если у тебя фантазии не хватало, то могли обозвать кем-нибудь из «списка незанятых позывных». В «ассортименте» там ничего прикольного не было, так что люди после этого обычно выбирали хоть что-то. Но Долгий думал долго (кто бы сомневался), так что мы ему начали подсказывать. Я предложил

связать позывной с его родом деятельности и начал перечислять фамилии известных исторических личностей, занимавшихся электричеством. Эдисон как-то совсем не звучало, а вот Тесла зашёл, как дети в школу. Всем понравилось, в том числе и Долгому. Но что главнее – такой позывной оказался не занят. Так я «обозвал» человека, который будет работать под фамилией известного серба всю командировку.

На другой день мы получали оружие. Из длинных зелёных старых ящиков, явно привезённых с каких-то стратегических складов, мужики доставали промасленные «калаши» с оливковыми матерчатыми советскими подсумками под магазины, штык-ножами. А ещё ПК[6] и РПГ[7] со своими подсумками из той же оливковой материи, но уже в меньших количествах. Я супергероем себя не считал, так что вызываться добровольцем на пулемёт или гранатомёт не стал, а взял только автомат. И вот тут меня в очередной раз поразило отношение к бюрократии в компании, особенно после того, что я видел на срочной службе в армии. Брать обязательно нужно было только автомат, подсумки и штык-ножи все буквально выкидывали в опустевшие ящики. Потому что конторские мужики прямо нам говорили, что можете делать с ними чего хотите, но они вам не понадобятся ни в каком виде. Я даже не уверен, записывали ли на нас номера автома-

---

[6] Пулемёт Калашникова. Серьёзно? Нужно объяснять, что это такое?

[7] Ручной противотанковый гранатомёт. Такое же известное и узнаваемое оружие, как и ПК.

тов, а не просто ставили галочки, что такой-то оружие получил.

Здесь произошло второе знакомство с Пригожиным. Он приехал на объект проверять чего и как. И случился пренеприятный инцидент. На его вопрос «чего не хватает», из толпы ему сказали, что мы только сидим, ничего не делаем, а надо тренироваться. Тут ещё ничего плохого не произошло. Глава ЧВК послушал объяснение сотрудников, отвечавших за нас, и раздал стандартные указания. Но потом определённый молодой человек, известный с учреждения как Рыбка, сказал, что не дают сигарет, а курить очень хочется. Его из толпы на вопрос Пригожина поддержали пара человек под недоумённое молчание основной массы. Если совсем короче, то там был абсолютно глупый разговор на тему снабжения, чего хватает и не хватает. Про такие несуразные мелочи, на которые явно не стоило обращать столько внимания. По результатам этого нелепого разговора местный старшина (раненый сотрудник ЧВК, находившийся на реабилитации) был направлен в штурмовики. О чём я так же узнал случайно уже сильно позднее. Не надо было говорить ничего, и так бы всё дали. Что стало со старшиной в итоге – без понятия. Но подход компании к дисциплине и наказаниям эпизод наглядно демонстрирует.

Ну и раз уж разговор зашёл про дисциплину: в другой день на объект приехало несколько конторских сотрудников в лёгком снаряжении с пистолетами. Нас всех собрали

вокруг очень серьёзного дядьки лет пятидесяти. Какой-то начальник из службы СБ[8] компании. В очередной раз всех опросили на тему кто, откуда, куда, зачем. После чего сказали чётко и ясно, привожу по памяти, но почти дословно: «Забудьте, кто вы и откуда вы прибыли. Здесь никому это не интересно. Существует только задача, и её нужно выполнить. Что вы при этом будете думать, каких взглядов придерживаетесь – сугубо личное дело. Если это не нарушает правила компании, конечно. Коммунисты, националисты, онанисты, атеисты, мусульмане, православные… Всем на это наплевать, пока вы работаете, и работаете хорошо».

Дальше озвучили те самые правила, которые давным-давно ходят по интернету на сфотографированной распечатанной бумаге. Где ещё есть подписи от руки и росписи разных людей. После оглашения законов компании, всем было продемонстрировано фото человека из другого завоза до нас, который решил их нарушить ещё на этапе прибытия и оформления. Начал там что-то рассказывать за то, кем он был в учреждении, понятия – не понятия, как с ним можно общаться, как нельзя, и прочий блатной бред. Увы, не только рассказывать, но и показывать. Но недолго.

Человек был привязан к дереву с третьим глазом в голове. Здесь для многих, кто поначалу принял слова Пригожина о строжайшей дисциплине легкомысленно, пришло понимание. Что попали они в организацию весьма серьёзную, где

[8] СБ – (служба) собственной безопасности. Гэбня, короче.

делать какие-то вещи по-своему или хитрить – такая себе затея. И что отсидеться в тылу или как-то по-другому зашкериться не получится. Спойлер – получится, но далеко не у всех, и массовым данное явление даже во время расширения компании в середине осени 22-го всё же не стало, хотя такие случаи случались неоднократно. Но часто людей после подобных телодвижений наказывали. И возвращали туда, куда их набрали изначально, – на штурмовую работу.

Спустя несколько дней – в первых числах сентября – нас разделили на две группы и развезли по двум разным объектам уже обучаться. Я попал в какой-то бывший автопарк в непонятном населённом пункте. Может, деревня, может, окраина города. Нас разместили в помещении, бывшем некогда кафе для водителей. Прямо на голом полу. Но каремат и спальник решают такие проблемы превосходно, так что условия были ещё нормальные. Сухо и крыша над головой – уже армейские три звезды смело. Время было позднее, так что все быстро легли спать, кроме первой очереди выставленных постов. Меня назначили где-то посреди ночи, так что я не раздумывая залез в спальник, тем более делать было особо нечего – телефонов с интернетами ни у кого не было.

Вскоре меня растолкали, после чего я быстро оделся, взял автомат и заступил на пост. Помню, что ночь была очень яркой и безветренной. Я дышал прохладным чистым воздухом, смотрел на безоблачное небо, всё в ярких звёздах. Первое понимание, что новая жизнь началась, пришло именно в тот

момент с потоком прохладного бодрящего воздуха, заполнившим свежестью оголодавшие лёгкие. Каким-то не таким воздухом, как раньше, а гораздо вкуснее и насыщеннее. Дежурство пролетело почти незаметно.

II
«Считайте, что я вам жизнь спас»

Здесь утро началось рано, общим подъёмом. Всем дали немного времени умыться, вкинуться в снаряжение и сделать свои мелкие дела, потому что начинались занятия. Нас собрали под длинным навесом, где раньше стояла техника. Скучковали всех в организованный полукруг и представили первого инструктора. Я запомнил только то, что выглядел, разговаривал и вёл себя этот человек так, будто только что сошёл с рекламного плаката частной военной компании про типичного пережёванного войной мужика. Он коротко представился и начал сразу концентрированно накидывать информацию про то, как нужно правильно стоять, держать, вскидывать, садиться, падать, перекатываться, ползать. Короче, перемещаться во всех плоскостях всеми мыслимыми способами с автоматом на изготовку. При этом он настолько резко падал на землю, что сразу становилось понятно – это настоящий человек войны, прошедший через «некоторое дерьмо», если выражаться расхожей фразой. В каждом его движении проявлялись немаленький опыт военного дела и не один десяток пережитых перестрелок или чего ещё похуже.

Все его слушали очень внимательно, потому что авторитет и внимание он заработал моментально. Что-то такое сжа-

лось и сгустилось в воздухе вокруг этого человека, словно притянуло всех остальных к нему.

Я успел позаниматься минут пятнадцать. И даже за такое время узнал много чего: про то, почему нужно стоять лицом к противнику, а не боком, как учили в Советской армии; как за секунду превратиться из ростовой мишени во вжавшегося в землю, огрызающегося огнём стрелка; как правильно стрелять сидя, чтобы самые уязвимые зоны были закрыты и при этом силуэт был максимально низким; как вываляться в пыли за пять секунд и не подать виду. А знаете, чего не узнал? Как красиво топтать плац и чистить берцы до блеска. Этому меня в армии за год срочной службы научили. Там понимают, что военному человеку нужнее и важнее.

Мне не суждено было пройти штурмовую науку в каком-либо вразумительном объёме, потому что очень быстро к нам пожаловали гости. Все заметили, как на объект через ворота заехала машина и припарковалась рядом с нами под навесом. Из неё помимо водителя в полуармейском снаряжении вышел тучный человек с бородой и в камуфляже. Они со всеми поздоровались, пока ещё не представляясь. Естественно, занятие тут же остановили. Все собрались рядом с тучным типом, после чего бородатый без предисловий задал несколько вопросов: «Кто знает, что такое азимут, умеет хорошо считать, знаком с картами, служил в артиллерии?» Я оттарабанил срочку на эрэлэске[9], но всё остальное, как вы

[9] РЛС – радиолокационная станция.

уже поняли, знал по большей части и до армии. Поэтому без сомнений поднял руку одним из первых. Ответил на уточняющие вопросы. После чего бородач, оказавшийся старшиной в подразделении компании, отобрал помимо меня ещё двух человек. Нам дали команду тут же собраться и грузиться в «Патриот». Что и было сделано за пять минут – пожитков у всех было немного, раскидывать почти нечего. А скатать спальник и каремат не так уж и тяжело. Особенно когда тебя подпирает жажда движухи и перемен. А ещё любопытство. Потому что я догадывался, куда меня забирают, судя по вопросам от бородатого типа. Но то были лишь догадки – неужели артиллерия?

Уже в машине все познакомились нормально. Я узнал позывной старшины – например, Симба – и водителя. Стало наконец понятно, что забрали меня и двух других пацанов в артиллерийские корректировщики. Угадал наполовину. «Патриот» вывез нас за территорию без всяких оформлений, бумажек, ожидания согласований. Мы просто сели в машину, и она сразу же поехала. Внутри много разговоров и вопросов было. Но одну фразу от Симбы я запомнил на всю жизнь. Хоть она и прозвучала немного надменно, как могло показаться, но оказалась полностью правдивой.

– Считайте, что я вам жизнь спас.

– А почему?

– У нас за полгода в отряде погибших корректировщиков

не было, только трёхсотые[10].

К сожалению, данная статистика поменяется в худшую сторону, и не раз. Тогда я поймал одну мысль, которая оформилась, когда я принял решение ехать на войну. Но именно в тот момент эта мысль переросла в какое-то непререкаемое утверждение, аксиому, если хотите, – я точно вернусь домой. Конечно, так все хотят думать и большинство уверены в этом. Иначе с ума сойти можно с самого начала. Но у меня была некая иррациональная убеждённость в течение всей командировки. И она сработала, раз вы в данный момент держите в руках эту книгу.

Разговоров за дорогой было немного. И то самые обычные: кто, где, как, кем жил, служил, работал. Мы же спрашивали у бывалых наёмников какие-то базовые вещи. Короче – стандартная поездка с новенькими людьми на новое место работы. За болтовнёй в окне бодро проносился утренний Донбасс. Жёлтые пышные поля. Тихие, замершие на безветрии деревья в посадках. О, тогда я ещё не представлял себе, что сама суть слова «посадка» для меня уже через месяц поменяется в корне.

Где-то вдалеке маячил циклопический плод любви пытливой советской инженерной мысли и рукотворного памятника тяге человечества к индустриальному осквернению планеты. Громадины корпусов и гигантские трубы, видные за несколько десятков (буквально) километров, притягива-

[10] Трёхсотый, «груз 300» – раненый.

ли к себе оголодавший за годы одних и тех же «пейзажей» взгляд. Но направлялись мы не на Углегорскую ТЭС в тот день. Дорога вдоль поля с вездесущей обязательной посадкой привела нас к дачам Светлодарска – города-спутника ТЭС. Может, это и отдельный населённый пункт был, не знаю. Но все называли дачами и не парились.

Сначала мы заехали в один домик на окраине. Там нас познакомили с будущим начальством – тогдашним командиром артиллерийского подразделения отряда. Он с каждым пообщался совсем немного, буквально парой слов перекинулся. Останавливаться на его личности не буду, так как вскоре он уйдёт в отпуск, а вернётся уже в другой отряд. На его место поставят парочку примечательных личностей, с которыми я буду работать в дальнейшем.

Пробыли мы там недолго, может, минут тридцать. Видимо, нас занесли в базу данных подразделения. Или ждали кого. Может, и то и другое. Пока ждали, чуть послушали разговоры парней-артиллеристов, сидевших в беседке на улице рядом с домом. Я почти никого не запомнил и после того дня не видел – у всех закончатся полугодовые контракты, и люди поедут домой. В общем, в какой-то момент из дома вышел Симба, и мы, загрузившись в тот же «Патриот», поехали дальше.

Запомните этот летний уютный гражданский домик, освещаемый утренним солнцем. Настолько выпадавший из войны, что будто на другой планете находился. С этой беседкой,

опутанной зеленью; хозяйскими вещами на полу, разбросанными по двору; небольшими молодыми ёлками. Со своей мирной атмосферой, тёплой и приветливой. Я там далеко не в последний раз. «Патриот» спустя минут пять дороги через ещё спавший, а потому особо не запомнившийся Светлик опять выскочил на просёлок. С одной стороны которого тянулось поле, а с другой – посадка, за которой угадывались домики летних дач. Вскоре мы свернули в эти дачи на очередную улицу и встали перед воротами в какой-то двор. Водитель вышел, открыл створы и завёл машину внутрь, остановившись посреди большого двора двухэтажного дома на берегу водохранилища. Вообще мне сразу бросилось в глаза, что это явно нежилой дом, потому что огромный участок без хозяйственных построек был скорее под кемпинг какой-то рассчитан. В дальнейшем так и оказалось – прежний владелец до войны… Давайте сразу. Война началась в 14-м году, с 22-го она просто перешла в стадию СВО. Чтобы каждый раз не уточнять, что именно я имею в виду. Так вот. До войны там планировался какой-то ресторан с летней верандой и прочими сопутствующими штуками. Даже оборудование было частично завезено – на первом этаже в одном из помещений стояли холодильники (вроде даже синие, из-под пепси) и барные бочки.

Нас встретила местная артиллерийская банда в настолько разношёрстном составе, что о людях позднее. Разместили на втором этаже в пустой комнате с голыми стенами и железны-

ми створками ставен вместо окон. Там мы в течение дня собрали кровати и сложили свои пожитки. Разместились, получается. Я вот себе сразу двуспальную койку урвал, потому что в прошлой жизни обожал здоровые кровати. А за последние пять с половиной лет ни разу на такую не падал, так что выбор был очевиден. Парни раскатали спальники с каремматами. Я же немного заморочился – нашёл матрац, постельное бельё, одеяло. Отстирал всё в водохранилище и развесил на солнце. Которое, несмотря на начало сентября, жарило ещё вполне по-летнему. Так что уже в первую ночь я с огромным удовольствием спал на чистом постельном.

Вообще, насколько помню, в первый день нам сказали размещаться и устраиваться, учиться должны были начать завтра. Так что у меня очень быстро сорвало башню от огромного количества нахлынувшей здесь свободы.

Просто погулять по двору на солнце, искупаться в водохранилище (сентябрь на Донбассе – очередной летний месяц со всеми вытекающими), поесть вездесущие фрукты и ягоды. В первый же день я объелся ими до раздражения на коже. Особенно виноград. Я лопал его до фиолетовых пальцев и раздражения на губах. Ел виноград на завтрак, обед и ужин. И яблоками с грушами закусывал.

Классно было. Как и в последующие дни учёбы. Сразу выяснилось, что привезли нас не на какой-то тыловой объект для подготовки артиллерийских кадров. А на самый настоящий пункт управления огневого взвода. Так что учились

мы под периодические выходы с 30 «дэшек»[11]. Помню, как в первый раз аж подлетел от громкого звука и вибрации, прошедшей через всё здание. Тогда показалось, что орудие чуть ли не в соседнем дворе. Понимание, как, куда и откуда звучат выходы и прилёты, придёт сильно позднее.

На самом деле пара пушек взвода стояли чуть ли не в полукилометре. Спрятанные под маскировочными сетями среди листвы, кустарника и деревьев окружающих посадок, в стороне от дачного посёлка.

Учёба как таковая началась на второй день с утра. Артиллерийскую науку нам давал человек с позывным, например, Ромб. Взрослый дядька под полтинник, слегка пухлый и простой как две копейки. Кадровый офицер, пришедший в контору заработать на пенсию (наверное; его мотивация для меня так и осталась тайной), с высшим артиллерийским образованием. Теорию применения артиллерии он знал настолько глубоко, что объяснял сложные вещи таким простым языком, будто погоду за обедом обсуждал.

Я немного забегу вперёд, чтобы вы понимали уровень его знаний и подход в конторе к учёбе людей. Нам троим Ромб

---

[11] Д-30. Очередной плод военной мысли, рождённый в СССР пытливыми советскими людьми. Получилось настолько шикарное и удачное орудие в самом широком смысле, что участвует в каждой второй локальной войне до сих пор. В СВО активно применяется обеими сторонами конфликта. Гениальная в своей простоте и общей эффективности вещь. Единственный крупный минус – максимальная дальность стрельбы 15 км. Для современной войны – ощутимо недостаточно.

дал необходимую базу для будущей работы, а именно: обучил минимально необходимой теории, основным способам корректировки, визуальному определению дальности, ориентации на местности, работе с картами (альпенквест[12], естественно) и даже основам работы артиллерийского наводчика (что позднее неплохо так помогло), за НЕДЕЛЮ. Ладно, я про азимуты там знал, ещё что-то. Остальные мужики вообще первый раз про артиллерию слышали, да и про войну в общем-то тоже. Но главное, что слушали. В итоге всего за **НЕДЕЛЮ** (причём неполную) занятий, в общей сумме часов по пять за день, из нас вышли готовые корректировщики. Ну как, готовые. Скорее личинки, но уже амбициозные. И вполне себе рабочие, как показала практика.

Как-то всё обезличено. А зря, людей там хватало, в том числе и тех, с кем я потом работал не только в первой командировке, но и во второй. И даже, хоть и очень частично, работаю сейчас.

Ромба вы уже более-менее узнали. По окончании учёбы я с ним особо не пересекался и ничего добавить об этом человеке не могу. Хотя после одного момента он сильно поменялся, как мне рассказывали. В худшую сторону. Но я этого не застал. Будет такое, что прилетит в один день неплохо по его расчёту и конкретно Ромба ранит. После чего из госпи-

---

[12] AlpenQuest – до сих пор самое ходовое приложение для работы с заранее загруженными картами. В том числе и у противника. Что в дальнейшем при осмотре трофейных телефонов окажется весьма удобным обстоятельством.

таля уже другим человеком вернётся.

Бородатый старшина, который нас привёз, тут же и уехал. Пока я учился, мы с ним особо не пересекались. Вообще старшиной, как я понял, он являлся на тот момент не так давно. До этого был в расчёте 120-го миномёта[13]. Мужик колоритный и немного суетный. Поболтать с ним было весьма интересно. Позднее мы будем периодически пересекаться, так что его личность я оставлю на потом, для более равномерного наполнения повествования. Не всем же только про взрывы да выстрелы читать интересно. А о людях – оно, может, и не так впечатляюще, но гораздо важнее.

Помимо Ромба нас именно учил ещё один человек – пусть будет Студент (похож очень внешне). Но с ним занятий было совсем немного. Точно помню, что именно он показывал нам, как пускать второй «мавик»[14] во дворе. Вроде бы что-то было по теории, но буквально один-два урока. Студент в дальнейшем станет одним из двух командиров в отряде, отвечающим более за тыловые моменты, связанные с обеспечением, связью, учётом. Так что с ним я особо пересекаться не буду, только на ротациях. Но тип интересный, себе на уме. Такой тихушник, только не безобидный, разве что на

---

[13] 120-мм миномёт. Палочка выручалочка пехотного подразделения на поле боя. Универсальное огневое средство «под рукой» практически в любых условиях при статичной линии фронта.

[14] DJI Mavic – одни из самых распространённых коммерческих дронов на современной войне. Получил широчайшее распространение в силу общей технологичности и в то же время простоты в использовании.

поверхности, а зловеще-таинственный. Я на полном серьёзе считал, что он до войны маньячил. Но вслух только шутил на эту тему, и то не с ним. А то вдруг тот самый случай, когда в каждой шутке – доля правды.

Был бывший участковый, позывной не помню, сидел на вычислении. Рассказывал про работу свою до компании. Как они каких-то рабов в нулевых спасали где-то в Центральной России. В будущем некоторое время пробудет начартом [15] в отряде, заменив ушедшего в отпуск предыдущего. С ним поработаем даже немного. После чего то ли уволится по истечении контракта, то ли переведётся в другой свежесформованный отряд осенью 22-го. Почему новые отряды начали расти как грибы после дождя именно тогда? О, мы ещё дойдём до Харьковской катастрофы и её последствий, там много интересного было, не переживайте.

Ещё один колоритный тип параллельно с нами учился, только на вычислителя. Звали его, например, Обход. В прошлом участвовал в штурме Мариуполя в составе ахматовского добробата[16] (из тех, где 99 % личного состава – добровольцы со всей России), а до этого ураганил в ополчении на Донбассе. В будущем станет командиром артиллерии 16-го отряда. Ныне же просто интересный человек с комплек-

[15] «Начарт» в данном случае имеет несколько иное значение, чем в армии. Впрочем, как почти все армейские обозначения, применяемые в конторе и её внутренней кухне.

[16] Добровольческий батальон.

цией тощего баскетболиста и каким-то дёрганым лицом. Но главное, что в нём было примечательного, – очень стрёмные истории. А точнее, его отношение к этим историям, потому что рассказывал Обход всякий треш как нечто обыденное и привычное. Может, это и маска была, но очень уж невозмутимо и естественно он всё это преподносил.

Эх, сентябрь 22-го. Тогда я ещё делил истории на стрёмные и нормальные.

Вообще, как я уже говорил выше, привезли нас на пункт управления огнём артиллерии. Так что все, кто там находился, так или иначе принимали участие в работе либо учились. Единственным именно профильным преподавателем был Ромб. Только он один занимался с нами с утра до обеда и немного вечером и работал очень редко, только если Студента или участкового нужно было подменить. Остальные почти всегда работали либо учились. Иногда отдыхали в перерывах.

К моменту, когда мы прибыли, на корректировщиков уже обучалось пару дней двое молодых парней. Сотрудников, пришедших в компанию обычным путём. Позывные их я не помню, но там вышла очень плохая история, о которой сильно позже. Отношения с ними мы наладили быстро и хоть учились раздельно, но разговаривали всегда приветливо. Вообще ощущения, что мы тут «чужие», не было даже в самом незначительном виде. Если кто-то так и думал среди артиллеристов, то виду не подавал совершенно. Подкалыва-

ли больше да спрашивали о прошлой жизни. Даже бывший участковый ничего такого не говорил, а скорее наоборот. Мы с ним достаточно много шутили и болтали ни о чём.

Позднее, через пару дней, приехал некто, например Пенза. Что логично, парниша с Пензы. Но не это самое интересное. Человеку настолько «понравилось» служить в Росгвардии, что он с офицерским званием и непогашенной военной ипотекой сбежал оттуда в ЧВК. И первые его зарплаты уходили на погашение оставшихся долгов государству. Начинал он учиться с нами на корректировщика, но потом переквалифицировался на номера расчёта Д-30. Да и учился он постольку-поскольку, так как большую часть информации уже знал и на занятиях с Ромбом ему было откровенно нечего делать. Вскоре он и вовсе перестал на них появляться.

По учёбе как будто добавить нечего, так что я припомню пару занимательных и одну печальную истории. Про прифронтовые будни в маленьком городке, затерянном на окраине войны. К счастью, для основной массы его жителей – на самой окраине.

В какой-то из дней нас троих собрали и дали в руки лопаты. Обход и ещё один артиллерист, который мне запомнился только тем, что в дальнейшем станет командиром расчёта «Тюльпана», тоже взяли по лопате, и мы все вместе пошли в сторону Светлика. Пока собирались, никто ничего не объяснял, только Студент угорал над Обходом. На тему того, что тебя сейчас научат работать лопатой как надо. Уже по дороге

выяснились забавные обстоятельства конечной цели нашего пути. Забавные с точки зрения армейского, абсолютно бесчеловечного чёрного юмора, что я, как автор книги, ОЧЕНЬ осуждаю. Абзац ниже гражданским людям с тонкой душевной организацией лучше не читать, а переходить на следующий.

Обход несколько дней назад был на командном пункте отряда. Там у стены в коридоре сидели недавно пойманные вэсэушники. Дальше случилось не очень понятное. То ли из-за попытки побега, то ли из-за того, что связанные начали чего-то не то говорить плохими словами, то ли из-за приступа обострившейся контузии, а может, из-за всего вышеперечисленного вместе Обход выказал своё недовольство одному из пленных. После чего тот от возмущения уснул. Спать пленным в подвале было нельзя, так что надо было *решить вопрос*. Что должен был сделать виновник, ну а нас в помощь выделили. Это была одна из стрёмных историй, кстати. Потому что Обход её рассказывал так, будто бы он плохо грядку вскопал. А сейчас его позвали переделывать работу.

До Светлика мы дошли минут за десять. Тут я впервые за долгие одинаковые годы попал в населённый пункт с большим количеством жителей, встреченных на улице. То есть более десяти человек. Вокруг нас возвышались уставшие пятиэтажные панельки, сменяющие друг друга. Старое здание советского бассейна с огромными выбитыми окнами стояло на окраине, но выделялось среди остальных построек своей

непоколебимостью. Пешеходные дорожки, петляющие меж домами, многочисленные детские площадки и огромное количество зелени везде – во дворах, на улицах, площади у администрации. Сразу было понятно, что этот небольшой поствоенный советский городок был построен тут с нуля. На тот момент этот зачаток Припяти из небезызвестной игры тогда мне показался пиком цивилизации. Несмотря на то что цивилизации в привычном понимании современного жителя какой-нибудь Калуги в Светлодарске было очень мало. А так как война забрала ещё и центральную электрификацию, то в тот момент сравнение с реальной Припятью было не таким уж и надуманным.

Пришли мы куда-то в центр, к одному из домов на площади, тонувшей в сине-зелёных ёлках. С обязательной, немного пошарпанной статуей Ильича в центре. Мы вчетвером остались ждать Обхода у спуска в подвал на торце дома в прохладной тени деревьев. Помнится, я даже спросил: а чего это мы вниз не спускаемся? На что артиллерист ответил: что это «**очень** плохая идея». Потому что внизу было знаменитое во всём отряде КП6[17]. Но для меня это тогда было просто спуском в какой-то подвал, так что я вообще не волновался. И «очень плохая идея» ничуть не насторожила. А стоило бы.

Вскоре Обход вышел, сказал, что уже всё без нас *решили*, так что мы потопали обратно. Я прямо кайфовал от ходьбы, новых мест, хорошей погоды, кучи зелени вокруг. На-

[17] КП – командный пункт, штаб. Цифра – обозначение номера отряда.

верное, тогда я начал понимать, что теперь в моей жизни появилось весьма полезное свойство – я полюбил много ходить по незнакомым местам. Вроде ничего особенного, но прямо счастье в такие моменты ловил. Да и до сих пор очень нравится такое времяпрепровождение.

Вторая история простая как две копейки. Не плохая и не хорошая, просто небольшой мазок на здоровенной картине войны. В один из дней в озеро прилетело два снаряда с той стороны. Я как раз в этот момент стирался, сидя на огромной бетонной плите, уходящей в воду. Навроде пирса. Невысокие толстые фонтаны, далеко не такие зрелищные, как в кино, выросли в паре сотен метров передо мной один за другим. Нахлынувший звук сочного разрыва и стремительно вспухающей воды накатил – моё почтение. Я потом ещё какое-то время ждал всплывшую оглушённую рыбу, тем более что в водохранилище этой самой рыбы водилось немало. Но ни одной рыбины так и не всплыло. Прилёты, очевидно, были контрбатарейными – противник искал спрятанные неподалёку от дач наши орудия, регулярно бившие по его частям в районе Кодемы. Но более они не повторялись в тот день, ограничились всего двумя снарядами. Так что я, с интересом посмотрев на разрывы, спокойно достирал вещи и пошёл в дом.

Третья история самая печальная. А точнее, их тут даже две будет. После событий зимы 2014–2015 годов и позорного Минска Светлик остался за противником, при этом нахо-

дясь неподалёку от тогдашней ЛБС[18]. Так что в городе по естественным причинам расквартировались некоторые части ВСУ. В том числе и набившие оскомину в федеральных СМИ наёмники. В частности, со слов местных, «какие-то грузины». Отсебятины тут не будет, я привожу слова местного мужичка (не дословно): «Тут когда грузины приезжали, они в доме жили, где теперь вы живёте. Так в этом доме, пока сюда армия ваша не пришла, за все года больше десяти женщин разного возраста без вести пропали. Известно, как и куда пропали, но делать-то нечего».

Эта история перекликается с другим случаем в Светлике. Когда красивый большой дом из красного кирпича местного работяги-вахтовика украинские военные просто отжали. Хозяин вэсэушников (или добробатовцев; то неважно – одно фельдграу на всех) не жаловал и в дом на постой не пускал. А дом огромный, добротно выстроенный, с верандой, баней, несколькими хозяйственными постройками размером с обычный деревенский дом. Прямо работяжный дворец, в общем. Не сумев подступиться к хозяину участка словами, будущие захистники незалэжной, а тогда борцуны с террористами, выстрелили с гранатомёта по крыше. Намекнуть, видать, хотели или просто по пьяни, то неизвестно. Но у мужичка сердце остановилось. Не откачали. Так вот сол-

[18] Линия боевого соприкосновения. Она же линия фронта, передок, передовая. Некая средняя точка между передовыми окопами враждующих сторон. Вроде как научный, умно-военный термин. В интернете наверняка есть объяснение получше, но по мне – и так тоже верно.

даты с офицерами дом и заняли.

За такими историями и ясными днями с виноградом, купаниями и учёбой проходили светлые, хорошие, яркие дни. Ночами мы стояли в наряде: стандартные два часа у входа в дом под чистым и очень звёздным небом и лозами винограда. Я их проводил, наблюдая за вечно шуршащими ежами. Судя по всему, на участке обитало два семейства, потому что периодически пару ежей дрались друг с другом, причём достаточно жёстко. Так я собственными глазами увидел, что эти прикольные зверьки на самом деле – весьма злые черти, которые любят сожрать других грызунов вокруг своего жилища и не терпят конкурентов. А ещё они просто обожают паштет в маленьких баночках из пайков. Уж очень быстро и громко шуршащие комки с иголками сжирали лакомство.

Продлилось вся учёба чуть больше недели. Экзаменов как таковых в конце не было. Технически они проходили каждый день, когда мы решали простейшие задачки на вычисление данных, определение дальности, азимутов и подобных вещей. Было пару практических занятий по установке азимута, работе с компасом, определению примерного расстояния до объекта с помощью бинокля (внезапно, в будущем понадобится). А ещё были полёты на втором «мавике» пару раз. Но так получилось, что у нас троих (вы же ещё помните, что со мной были двое коллег?) как-то сразу заладилось с полётами, так что «мавики» мы проскочили моментально. Так продолжалось с неделю, после чего в очередной день мы,

как обычно, закончили задачки и нам сказали, что всё – вы приобрели необходимые знания и умения. А потому готовьтесь. Скоро в работу.

Необходимая ремарка: я не буду строить из себя героя и накидывать пуху, рассказывая, как переборол неуверенность или вообще страха не испытывал. Для тех, кто был на войне (по-настоящему), это и не нужно. Там и так все всё знают. Что не боятся только балаболы да ряженые. Для остальных гражданских и далёких от войны людей – примите на веру. А ещё вам весьма повезло с незнанием. Когда мне было страшно, я так и скажу, когда нет – аналогично. Когда тупил – тоже скажу, тем более происходило это неоднократно. Ну и про ошибки, куда уж без них. Ведь коллеги по большей части всё знают, перед ними смысла врать нет, даже если бы хотелось. Остальные же… Ну, допустим, я в новой жизни стараюсь не врать там, где это совершенно не нужно. Конец ремарки.

А нужна она была к тому, что в последний день я испугался. Что, наверное, логично даже – мы неделю в спокойной обстановке отъедались, отсыпались, отмывались. А тут как бы всё – алга («вперёд» с казахского вроде), собирайтесь, скоро на выход.

Совсем не помню, на следующий день мы уехали или через сутки, но не суть. Всё это время я готовился морально, что чистую кровать и купание в водохранилище увижу теперь не скоро. Спойлер – в данном вопросе подготовку я провалил. Ну а пока я использовал оставшееся время, чтобы

лишний раз поплавать, перестирать весь свой скарб и отъестся виноградом до отвала. К сожалению, я слишком поздно полез исследовать соседний брошенный участок, который зарос так, будто хозяев там десять лет не было. Чуть в его глубине, где до этого не бывал, я внезапно обнаружил собирающего ягоду Ромба.

– А ты чего тут виноград ешь? У нас же до фига во дворе.

– Так он разный. Там зелёный и кисловатый, как по мне, а тут «изабелла» растёт.

– Тю, ничего ты не понимаешь, вкусный кислый виноград ещё поискать надо!

– Ну, ну, ты попробуй сначала.

Большие красные виноградины действительно выделялись на фоне того, что росло у нашего домика. Сейчас смотрю картинки в интернете – навряд ли то была «изабелла», совсем непохоже. Но какой же он оказался насыщенный и сочный! Именно вкус самого винограда как будто был сконцентрирован в этих ягодах. В общем я перед отъездом ещё и какого-то другого винограда налупился, тоже очень вкусного. Хоть и не кислого, что жалко. Обожаю кислятину всякую.

Так или иначе, в очередное утро нас троих со всеми вещами погрузили в уазик и повезли на командный пункт 6-го штурмового отряда. Тогда я ещё не знал, что КП6 (назывался он по-другому, но пусть будет так) – самое страшное место в отряде. Страшнее даже передовых окопов штурмовиков в некотором роде. И это не преувеличение и не шутка. И

даже не художественный вымысел для красного словца. На КП6 получить гематому, лишиться зубов или здоровья было в абсолютном порядке вещей. Зависело от вашей личности и цели нахождения на КП. В любом случае самому туда заходить – одна из самых больших ошибок в жизни сотрудника ЧВК «Вагнер» в составе 6-го штурмового отряда. Поэтому я там был только пару раз, когда прям целенаправленно везли или вызывали. Ещё пару раз, когда один из моих будущих начальников VAN (почти Даркхольм) звал с собой, я наотрез отказывался. Потому что боялся. Причём не фигурально, а фактически боялся, испытывая неподдельный, самый настоящий страх.

Тогда первый раз мы полноценно побывали в штабе. Приехали к жилому дому двухэтажному, по типу барака, в одном из дачных районов на западной окраине Светлодарска. Что меня немного удивило, я думал опять в город к администрации поедем. Оказалось – нет, видать, переместились за неделю. «Патриот» остановился под тенью низенького деревца рядом с домом. Мы вышли из машины и, как обычно бывает при посещении штабов, спустились в какой-то подвал, где находился КП6. Там нас сначала встретил один мужичок, назовём его Леший, потому что он буквально походил на лешего. Хм, чтобы было понятнее, сейчас на ютубе есть куча шортсов с антропологом Дробышевским. Так вот, Леший выглядел на тот момент точь-в-точь как учёный. Только ещё с уставшими глазами размазанными. Оно и неудиви-

тельно – этот Леший безвылазно сидел на КП в качестве начарта отряда с небольшими перерывами на сон. Человек сутками и неделями горел на работе и почти не видел ничего другого, кроме пыльного подвала и холодного света лампы под потолком.

Он нас достаточно приветливо встретил, коротко расспросил чего и как, что-то рассказал про работу. Вроде бы объяснил, как на него выходить по связи, основные позывные. Раздал радейки с рабочими телефонами и отпустил. Не помню как и почему (и главное – ЗАЧЕМ?!), но после этого как-то получилось, что я остался в подвале один. Вроде ждал, пока Леший «мавик» принесёт, а может, и телефон, потому что мне чего-то не хватило.

Сразу поясню, чтобы в дальнейшем к этой теме не возвращаться. Телефон в ЧВК «Вагнер» в любой командировке – запретная для большинства сотрудников вещь. Запретная на полном серьёзе. В зависимости от того, что у вас там найдут, наказание могло быть самым разным. Но обычно пойманный на нарушении данного правила сотрудник с ходу получал по лицу. Это как программа-минимум, которой очень редко ограничивались.

Конкретно мне телефон дал Леший без особых пояснений. Тогда я не знал, что эта вещь – привилегия. По привычке думалось, что телефоны почти у всех. Даже несмотря на то, что ещё по приезде нам объясняли, что любые мобильники под запретом. Так чем я выделялся? Професси-

ей. Любому корректировщику и оператору БПЛА на современной войне карманные цифровые карты под рукой необходимы как воздух для эффективной работы. Поэтому каждому моему коллеге телефон был положен. Я уж не говорю про некоторые модели пультов для управления гражданскими коптерами, где внутренний интерфейс и экран не предусмотрены. А потому всё управление идёт через подключённый телефон и специальное приложение для полётов. Сам же пульт в таком случае – лишь пластиковый джойстик с необходимыми кнопками. У нас в конторе таких штук не было, все гоняли с RC510 – модель со своим экраном, без необходимости подключать телефон.

Повсеместно были распространены обычные «самсунги» в районе 20 тысяч рублей с предустановленными приложениями для работы. Ну и для ограничения возможностей пользователя, естественно. У нас в отряде на это смотрели сквозь пальцы, потому пацаны быстро научились обходить поставленный для галочки «родительский контроль».

А вот у соседей из 3-го штурмового отряда телефоны были запаролены по самое не балуй – один экран с альпиной, шаритом[19], да и всё, по-моему. Свайп влево-вправо – введите пароль администратора. Попробуешь подбором, и телефон заблокируется намертво. А потом к тебе вопросы при

[19] Share It – он же «шарик», «шарит». Приложение для быстрой передачи данных между устройствами. Крайне удобная штука в условиях отсутствия интернета.

восстановлении – а чего это ты пытался сделать такого, что тебе понадобился пароль администратора? Ну и разбирательства, разбитые лица и другие стрёмные штуки. Поэтому все, у кого были мобилы, страшно шифровались. Не дай бог попадёшься с фотками на проверке (а фотки были почти у всех) или вообще с телегой установленной. Ну а если ещё и с симкой трофейной – всё. То, что ты домой звонил, а не на ту сторону за деньги инфу сливал – не докажешь.

Так что телефон иногда не столько позволял скоротать время между работой, сколько тяготил ответственностью. Но в целом особо народ по этому поводу не кошмарили. Кроме самых умных, выкладывавших фотки в инет. Тех да, быстренько увозили на разбирательства.

Вернёмся к почти пустому подвалу. Стою я, головой мотаю, никого не трогаю и молчу, жду Лешего зачем-то. Подходят два мужика, оба выше меня и сильно здоровее. Один обычный, но лицо злое, другой широченный, с рыжей бородой, но лицо доброе. И злой (страшный человек, зампобой[20] командира 6-го отряда) начал вопросы задавать: кто такой, чего, как, зачем приехал? Мои ответы ему не очень понравились, и он начал наезжать на повышенных тонах. Ну а я просто отвечал, без вызова и агрессии. Но и не пытался сгладить ситуацию, давая заднюю или как-то оправдываясь. Уж не знаю, насколько мне свезло, но «добрый» мужик с ры-

[20] Очередное условное армейское обозначение. Фактически – второй человек в отряде.

жей бородой его даже как-то успокоил, после чего разговор быстро сошёл на нет и «злой» моментально остыл. Самое интересное, что в дальнейшем этот эпизод никак не скажется на моей работе и карьере в компании. Что было очередным проявлением удачи. Ведь позже я узнаю, что мне очень повезло, что именно «злой» был в плохом настроении. А не «добрый» с рыжей бородой. Потому что, когда у «доброго» было плохое настроение, с людьми вокруг случались очень нехорошие вещи.

Где-то тут пришёл Леший, вручил мне «мавик» с аккумуляторами или телефон (ну не помню я, простите) и отправил на выход с подвала, очевидно подгоняя. Кстати, весьма вежливо, не ругался как будто бы совсем. Снаружи я встретил скучавших коллег. И мы вместе стали ждать машину.

Пройдёт почти два дня, и я ранним утром буду месить раскисший чернозём в берцах, шагая на свой первый боевой выход. Но тогда мы просто стояли под деревом на солнце и наслаждались новой жизнью. Парни курили вроде, я же просто кайфовал от погоды, пытаясь заглушить нервное возбуждение от неизвестности впереди. А может, и от перепалки в подвале. Но вряд ли, о личностях и должностях своих собеседников я узнаю позднее. Так что на тот момент волноваться в данном вопросе мне было не о чем.

Глава 2
Введение в новую жизнь

На Херсонщине летом земля нагревается быстрее асфальта. Жара стоит такая, что воздух дрожит над степью, как над раскалённой плитой. Пыль поднимается от любого движения: шагов, колёс, даже от ветра, которого может и не быть. Липнет к лицу и скрипит на зубах. Заполняет воздух, перемешивается с жарой, образуя густую противную серо-оранжевую патоку. Сквозь которую даже с высоты особо ничего не увидишь.

В блиндаже духота. Пахнет спёртым воздухом, который гоняет вечно работающий вентилятор. И при этом отчего-то постоянно першит в горле, будто ангину подхватил. Мы сидим на кухонных стульях бежево-розового цвета с ажурными спинками, совершенно не подходящих для ямы в земле. Под ногами снуют орды песчаных блох, жрущих моих сослуживцев круглые сутки. Но меня почему-то не трогающих. Видать невкусный.

На плохом экране министерского компьютера мы наблюдали интересную по-своему картину: по еле видимому жёлтому полю ползли два комбайна – их винты вращались, выбрасывая в воздух пыль и солому. Настолько неторопливо, будто бы никакой войны не существовало. Шлейф в воздухе

стоял такой, что даже сквозь патоку я смог разглядеть деловито ползающих работяг. Мирная идиллия.

Рядом сидел, например, Руль – штатный водитель в подразделении, с лицом вечного дальнобойщика. Зачем-то смотрел туда, в поле, прищурившись, словно искал что-то. Хоть и не понимал ни черта в работе. Его глаза, обычно безжизненные, внезапно загорелись. И он выдал мне следующее:

– Чё, выходи давай по связи, гаси их.

– ?!!

– Ну вызывай там наших, соседей. Кого вы там обычно вызываете.

– Ты предлагаешь наводить артиллерию, запрашивать «иксы», тормошить соседние подразделения ради двух комбайнов, которые зерно убирают? – спросил я, глядя на него с явным недоумением на лице.

– А чё такого? – пожал он плечами настолько непосредственно, что сомнений в его серьёзности не оставалось. – Они вон наши комбайны долбят – и ничего.

– А потом все смеются над их шизовой пропагандой про орков и захватчиков… На хрена комбайны бить с обычными водилами внутри? Мы ж вроде освободители, денацификаторы, прочие декаторы, все дела. На хрена гражданских валить? Так оккупанты-то по-ихнему и поступают!

Руль ухмыльнулся и ткнул в экран своим большим красным пальцем.

– И правильно! Всех убить, чтоб боялись!

– Кого? – Я поднял голос, хотя знал, что это бессмысленно. – Ты сам-то когда последний раз кого-нибудь убивал, воин? Полтора года проторчал в тылу за баранкой, а теперь собрался мирных валить чужими руками? Базару нет, ума много не надо.

Он скривился и на секунду замолчал.

– Ну а ты чего сюда приехал, если такой правильный?

– За деньгами, – выдал я самый честный ответ из всех остальных.

Руль расхохотался. Смех его был сухой и резкий, как треск старой доски. Залитой отработанным маслом, дешёвой, дээспэшной доски.

– Ха! За деньгами! Так можно и на ту сторону пойти, там платят-то побольше, в долларах!

– Можно, – сказал я спокойно, улыбнувшись предстоящим словам. – Если ты животное, готовое убивать гражданских просто потому, что тебе разрешили.

Он глянул на меня так, будто хотел ударить, но сдержался.

– Да ладно вам, мужики, – сказал сидевший рядом второй оператор, до того молча слушавший разговор. – Мы ж все тут ради победы.

– Именно! – поддакнул Руль. – Ради победы. А для этого надо убивать любого нациста, которого мы найдём!

– Что-то я не вижу, – сказал я уже совсем спокойно, кивая в сторону поля, – чтобы водила того комбайна руку к солнцу

тянул.

Все замолчали. Два толстых столба дыма деловито ползали по экрану. Руль косился на них зло, словно они смеялись над ним. Я тоже смотрел на поле. Два старых комбайна, два мужика в кабинах. Живые цели, которые мы не взяли. В сводке за день не будет «минус двух объектов» и победы тоже не будет. Будут только жара, пыль и тошнотворная серо-оранжевая патока. И рано или поздно кто-то из нас выстрелит. Только ради того, чтобы развеять её столь же яркой, сколь и короткой вспышкой разрыва.

Херсон, июль 2025

III
Знакомство

Уазик развёз нас по Светлику и его окрестностям, делая небольшие остановки для того, чтобы высадить нужного человека у расположения штурмового взвода, к которому его приписали. Сначала мы заехали в какой-то двор частного дома в том же районе, где находился штаб отряда. Где была вторая остановка, я не помню совершенно.

А вот меня выкинули последним на небезызвестной Углегорской ТЭС, возле одного из здоровенных производственных корпусов, протянувшегося огромным серым зданием вдоль водохранилища.

Ещё на подъезде к станции чётко помню яркое, почти осязаемое, поразившее меня ощущение. Будто я первый «сталкер» переигрываю. Сумасшедшая атмосфера циклопического советского брошенного сооружения давила своей гнетущей мощью даже в ясную солнечную погоду. Частично задетая разрухой 90-х, усердно битая жестокими боями лета 22-го, станция поражала своей монументальностью. Внушала какую-то иррациональную уверенность, что её невозможно не то что разрушить до конца, но и даже как-то весомо повредить хотя бы её часть. Мёртвая по сути, но при этом дышащая звуками бьющихся друг о друга ржавых листов металла на обшивке здоровенных охладительных кубов. С

вездесущим скучным, но плотным гуляющим повсюду ветром, изредка завывавшим в закоулках сооружения. Настоящий памятник индустриальному постмодернизму, сконцентрированный в одном месте.

В своё время разработчики культовой игры очень чётко поймали настроение подобного места. Да, там была ЧАЭС, но поверьте на слово – сходство феноменальное. По крайней мере на субъективном уровне человека, прошедшего первые «сталкеры» пару раз. Если по модно-молодёжному – вайб у локации был потрясающий.

Теперь я смотрел и ощущал всё лично, проносясь вдоль серых корпусов с крепкими стенами. Ловил тот самый вайб всем своим естеством, если угодно. Очень много стояло всяких посечённых осколками трансформаторов с лапшой оборванных проводов, развороченных взрывами разбитых баков из-под непонятно чего, широких труб, идущих туда-сюда, посечённых бетонных блоков и колец; иногда попадались сожжённые ржавые корпуса машин, чьи скелеты рам были причудливо выгнуты в невозможные дуги. И при этом никаких аномалий и паранормальщины, всего лишь озлобленная на весь белый свет война. Битый кирпич, осколки бетона и прочий строительный мусор на этом колоритном фоне всеобщей разрухи почти не бросались в глаза.

Место умопомрачительное, в чём я убеждался в дальнейшем, выезжая на ротации. И к нему мы будем возвращаться, возможно, не раз. Размажем тягучую безнадегу советской за-

брошки, побитой катаклизмами истории, на несколько эпизодов. Сначала я хотел сразу всё здесь выдать. Но потом подумал, что такое жирное, сочнейшее на эмоции и рефлексию место нужно растянуть для большего впечатления. А ещё я сначала вместо «побитой» хотел написать «разрушенной», но не такая уж станция и разрушенная, несмотря на все усилия штурмовавших её наёмников.

Итак, меня высадили внутри одного из двух производственных корпусов, доставив на ПВД[21] четвертого штурмового взвода. Машина остановилась в начале строения, сразу за здоровенной воротиной, отодвинутой по рельсе. В ближайшем углу стояла огромная техническая пятиэтажная пристройка, размером с треть многоквартирного дома. Которая по высоте даже не доставала до потолка основного корпуса. Именно эту пятиэтажку обжил личный состав взвода.

Буквально с порога оказалось, что подразделение было пополнено людьми, с которыми мы ехали на войну. Причём той группой, с которой меня забрали из бывшего автопарка. Здесь были все пацаны, с кем я общался до этого, в частности Витя Долгий, уже знакомый вам. В дальнейшем тот факт, что почти весь взвод будет состоять из людей, с кем я общался и проводил время, сыграет с моим моральным здоровьем злую шутку. Война покажет себя, так сказать. Но пока я об этом даже не задумывался. Не буду рассказывать про всех

[21] Пункт временной дислокации. Место, где фактически находился тыл и проходили ротации взвода.

парней просто потому, что с кем-то общался больше, с кем-то поменьше и большинство банально не помню уже. А заниматься простым перечислением позывных не хочу, чтобы не размазывать всех в какую-то бесформенную людскую массу. Война это сделала и без посторонней помощи. Моя же первоначальная задача – поведать вам собственную историю и впечатления. Потому в моём повествовании будут фигурировать единицы, про которых есть интересные истории или общение с которыми почему-то врезалось в память.

Помню, как знатно охренел, что почти все, с кем ехал, оказались тут. Они также закончили своё штурмовое обучение и в полном составе были направлены в четвёртый взвод. Где в ожидании задачи на выход занимались военной бытовухой: начищали оружие, вели типичные разговоры новых людей на войне, подгоняли снаряжение, ели, спали, ходили на фишку[22]. За чем я основную массу народа и застал, потому что они сидели и занимались всем перечисленным рядом с этой пристроенной технической пятиэтажкой. Разложившись на притащенных откуда-то диванах, креслах, стульях либо просто на вещах. Тут же горел положенный в таких случаях костёр. Вроде в обрезанной наполовину бочке, только не как в фильмах, а сделанной на манер мангала – горизонтально лежавшей на приваренных ножках. Там же кипятили чайник на поставленной сверху решётке и готовили всё, что только

[22] Стоять на посту на сленге. Либо не спать ночью в окопах и смотреть на поле, если речь идёт о передовой. Короче – бдеть и охранять.

можно было приготовить.

Меня встретили как старого знакомого, которого давно не видели, чем неимоверно смутили. Потому что я многих знал в лицо, но по именам и позывным не помнил совершенно. Так что я дежурно со всеми перездоровался и, узнав, где находится штаб взвода, пошёл в сторону пятиэтажки. Там я представился командиру, которого до этого уже видел, когда он приезжал к нам на «Плиту» и присматривался к пополнению. Звали его, например, Гипат. Он мне сразу сказал, что я на днях поеду работать к уже действующему корректировщику, набираться опыта. «А пока размещайся, кушай, спи. Бытом занимайся». Я что-то промямлил в ответ, подхватил вещи и пошёл искать, где можно упасть. Народу во взводе хоть было и немало, но пятиэтажка таила в себе огромное количество технических и жилых помещений. А так как станция более не работала, то все комнаты так или иначе становились жилыми при надобности. Но мне повезло – я нашёл пустую каморку даже с двумя топчанами, где и раскидал всю свою нехитрую поклажу. После чего спустился к общей компании у импровизированного костра. Где влился в общий разговор и начал делать то же, что и все остальные, – готовиться.

Мне тогда помог нацепить и удобно подогнать подсумки на броник один лысый тип – например, Ремарк. Сразу скажу, что никак с немецкой антивоенной литературой не связан, просто созвучно. Да и в целом с книгами он был не особо в

ладах. В дальнейшем мы не раз с ним будем пересекаться, вместе работать и – внезапный спойлер – вместе же поедем домой. Ремарк внешне очень походил на скинхеда из нулевых не только лысиной, но и комплекцией, и лицом в целом. Я вообще не удивился, что подобными штуками он действительно когда-то занимался. И берцы ему носить было далеко не впервой.

Помимо Ремарка я хорошо заобщался с Киндером и ещё одним типом, Браззером. Киндера я знал ещё по учреждению. Точнее, много слышал, ну а нормально познакомились уже тут. Когда он назвал свою фамилию, мне тут же припомнились смешные истории про дерзкого типа, который регулярно ругался с охреневшими работниками оперативного отдела, не давая себя унижать или обманывать. Если был повод, то мог и начальство послать куда подальше. Пару-тройку-много раз дрался с сотрудниками. Каждый приезд какой-нибудь проверки или общественников пытался попасть на приём, чтобы задать интересующие его лично и общество в целом по-настоящему важные вопросы. А не те, что приготовила администрация. За всю эту веселуху регулярно посещал изоляторы и жил в самом, м-м-м, нелояльном отряде. Браззер же оказался просто нормальным обычным типом с лысой головой и внешностью как у американского известного актёра определённого жанра. Собственно, от сходства такой позывной и взял. А ещё при общении с ним сразу чувствовалось, что у человека есть внутренний стержень, что

может потянуть какие-то задачи.

В общем, компанию на поболтать и чего-то поспрашивать, поинтересоваться я нашёл сразу. Ещё был Тесла, но он по старой привычке общался со всеми по чуть-чуть. Тем не менее он и Ремарк мне больше всего рассказали про своё обучение. Что оно продлилось всего неделю, и то не полную. Но настолько насыщенную и богатую на переданный опыт, которого хватило с избытком (что будущие события покажут, и не раз). Там всё было по конторской классике – подъёмы в пять утра, марш-броски, полигоны, стрельбы, занятия по тактике, медицине, ориентированию. Рассказывали, как их делили на группы с задачей охотиться друг на друга. В результате чего они даже какого-то инструктора в плен взяли вместе с его группой, подготовив грамотную засаду.

Держа в уме последующие события – нашим пацанам ОЧЕНЬ повезло с учителями. Подготовка парней выпала на время, когда много бывших штурмовиков находились на реабилитации после первых жарких месяцев СВО. Но не сидели по санаториям, а учили прибывающее пополнение.

В дальнейшем эта ситуация весьма ухудшится, к сожалению. Потому что естественные процессы при скачкообразном расширении довольно тяжело игнорировать. Но конкретно Тесла, Ремарк, Киндер и остальные прошли через очень хорошую школу. Что спасёт не одну и даже не двадцать одну жизнь бывших заключённых, а теперь сотрудников ЧВК «Вагнер». И в то же время заберёт далеко не два-

дцать одну жизнь захистников незалэжной.

Дни протекали однообразно, так как делать было особо нечего. Разок ходили на другой конец корпуса к министерскому расчету РЭБ[23]. Испытать «мавик» на практике, проверить его устойчивость к помехам. Интересно же. Расчёт располагался в технических помещениях примерно на высоте пятого этажа. До крыши визуально оставалось ещё три-четыре лестничных пролёта. Вход в их техничку находился на небольшой галерее, подводившей к огромной стеклянной стенке корпуса. Из советских толстых квадратов сине-зелёных. В которых зияла огромная дыра от прилёта, по всей видимости. Настолько большая, что хорошо было видно западные окрестности станции. Через эту дыру мы дрон и запускали после того, как армейцы дали отмашку. У них оказался какой-то прикольный комплекс в виде сферы на треноге, стоявшей на крыше. Причём, когда я подвёл «мавик» вплотную к этой антенне, связь у дрона и вправду начала отваливаться по чуть-чуть. Отчего все сделали неправильный вывод о том, что этот комплекс бесполезен. Типа рядом летал, вообще никакого эффекта, и только в пяти метрах от шара начала связь сбоить. О том, что вывод неправильный, я узнал уже сильно позднее. Потому что вблизи шара, как ни странно, противник не летал. А на рабочей дистанции станция ра-

[23] Радиоэлектронная борьба. Всякие установки для подавления средств связи, наведения и управления противника. На современной войне – обязательное условие технического и технологического превосходства над противоположной стороной.

ботала, как и должна была, – лишала дроны управления и сажала на землю.

После полётов мы опять зашли к ним в помещение. Пацаны, кто со мной ходил, больше чай пили и болтали. Я же подсел к оператору на рабочем месте и стал спрашивать про техническую часть, как-чего-когда-почём функционирует. Тем более то, что я видел на мониторе, мне частично напоминало срочную службу, когда я тянул лямку оператора РЛС. Рабочий интерфейс и там и там на компьютерах был простенький, а-ля «виндоус 95–98». Из чего я сделал вывод, что этот комплекс относительно новый либо очень модернизированный советский. Потому что на срочке мой комплекс был именно такой – разработка нулевых, поставленная на вооружение ближе к 2010-м годам. И почему-то подумал, что, наверное, и дальше весь РЭБ такой «новый» будет. Естественно, ошибся.

Так проходили обычные ротационные будни, о чём я тогда ещё не знал, естественно. Потому что ни на какой ротации пока не был. И как это всегда с ними бывает, закончились они, не успев начаться и совершенно неожиданно. Однажды меня разбудили очень рано утром, вроде аж в четыре часа. Полусонный Гипат в штабе взвода сказал, чтобы я собирался, потому что вот-вот на ЛБС отправляется машина.

Я пока не понимал, чего и как с собой брать, чтобы и удобно носить было и с голой жопой не остаться. Но в целом уга-

дать и запихнуть всё необходимое в обычную эрдэшку[24] у меня получилось – не без советов товарищей, конечно. Остальное как обычно: каска, тяжеленный бронежилет, автомат – естественно, АК-74М,– БК[25], гранаты. В тот момент я отличался от обычного штурмовика сумкой с «мавиком» через плечо (это на виду) и несколькими радиостанциями по подсумкам. Одна «моторола» для связи с артиллерией отряда, вторая для внутренней связи штурмового взвода. Не помню, была ли у меня большая радиостанция в тот момент, или с ней я знакомился уже у напарника. Наверное, всё-таки не было. Такой габарит я бы запомнил точно.

Новой информации по работе при этом почти не сообщили, кроме того, что меня привезут к действующему корректировщику, с ним буду учиться, опыта набираться. Ну а я что? Всё это и так знал. Так что к тому моменту уже успокоился и просто ждал, чего как будет. Привык, интересно даже стало. Нетерпение возобладало над волнением.

Вскоре «карета» была подана. Я, водитель и ещё один тип на пассажирском закидали в «буханку» воду с пайками, после чего залезли сами и тронулись. Машина в утренних су-

---

[24] РД – рюкзак десантника (малый). Стандартный элемент снаряжения, выдававшийся всем без исключения. Крайне удобная вещь на выходах. Тот случай, когда мал, да удал. Напихать в него можно было много всего, что не раз проверялось на практике. Короче, чудо советской инженерной мысли людей, отвечавших за снаряжение в армии.

[25] Здесь и далее – боекомплект. В широком смысле – боеприпасы в необходимом объёме.

мерках везла меня по обычным военным раздолбанным асфальтовым и разъезженным сельским дорогам. Время было очень раннее, окон либо не было, либо были заклеены, либо там не было видно ни черта, так что я оперся шеей о бронник и пробовал дремать. Тем более ехали мы долго, хоть и не далеко: посадки восточнее Отрадовки и севернее Кодемы. Долго и недалеко, кстати, – типичная ситуация для войны. Где от пункта А до пункта Б по карте всего пять километров, а на машине все условные двадцать пять. Дороги прифронтового Донбасса осени 2022-го. И это ещё без FPV-дронов!

Через какое-то время «буханка» начала тормозить, и меня предупредили, что сейчас машина остановится и мне нужно будет быстренько выпрыгнуть. Дабы не задерживать разгрузку еды и воды, занимавшей немалую часть салона. Что я и сделал, выкинув все свои вещи в кучку. Затем помог парням достать груз. После чего они уехали, быстро попрощавшись. Ну а я стал ждать встречающего человека, о котором предупредили по рации.

Раннее утро, солнце только начинает выходить. Зелёная, немного полысевшая посадка хранила молчание. Мягкий чернозём с удовольствием пожирал берцы с сочным хлюпаньем. Серый туман, медленный и ленивый (прям как я), отступал, освобождая место сизой, еле заметной дымке. Окрашенные золотистым сгустки тумана стремительно расползались, исчезая почти на глазах. Казалось, что земля дымилась.

Рядом, в поле, в ста шагах от меня, из земли еле выдавался

небольшой холм. Оттуда ко мне бодро шагал силуэт в военной форме. Именно туда мне и нужно было, как оказалось. Потому что холм на самом деле – вход в бетонный бункер. Который являлся частью старого вэсэушного укрепа, еще послеатошных времён «соблюдения» Минских соглашений.

Встречающий представился, например, Чипом и сразу повёл меня в сторону укрытия. В том бункере сидел замком[26] четвёртого взвода. Внутри всё было по-военному впритык и плотненько, но меня на нарах разместили. Я обратил внимание, что всего лежачих места четыре и после моего прибытия все они оказались заняты. Ну и кто же четвёртый? Мой будущий учитель и напарник. Он отсутствовал на тот момент, куда-то ушёл, но обещал вернуться.

Пока его ждал, расположился, пообщался с пацанами. Разговаривали, видимо, за типичное «чего, как, сам откуда», потому что не запомнил ничего из тех разговоров, да и ребят особо не припомню уже. У Чипа история стандартная: попал на войну как я, сначала в штурмовики. Потом уже в связисты, потому что волок в теме. Чем-то особо, кроме вечной улыбки и перманентного недосыпа на лице, не выделялся. Замок[27] же пришёл в компанию с гражданки. Он особо много не говорил, я тогда не вникал из-за чего. Может, про-

---

[26] Формально – заместитель командира взвода. Фактически радист с чуть большими полномочиями.

[27] Сленговое обозначение человека, занимающего должность заместителя командира взвода.

сто человек скрытный. Но позже другие люди мне расскажут, что однажды война его сломала. То ли под обстрел жёсткий попал, то ли под авиаудар, когда их накрыло сильно. С тех пор боялся открытых пространств, не мог из-под земли вылезти. Он этого, конечно, сам не признавал, но люди вокруг всё видят. В общем встретили меня приветливо. Чип сразу дальше спать завалился, потому что они сидели по очереди на радиосвязи. И в тот момент бдел замок, так что в основном с ним я и разговаривал, а точнее, пытался.

У среднего читателя, возможно, назрел очевидный вопрос – почему я пишу только позывные людей? Ведь было бы проще запомнить того же замка, с которым я сейчас беседовал, если бы помимо позывного он представился по имени. Тому есть причина: в конторе сотрудники назывались нечасто. Скажем так, это было делом каждого. Обычно все по позывным общались. В шестом отряде так вообще рекомендовалось всем представляться только по позывным и никому свои имена, да и любые другие данные не сообщать. Наёмническая этика, если угодно. Которая у нас по большей части соблюдалась. Речь здесь идёт о личном общении. По радио в работе все друг друга знали исключительно по позывным. Так что имён окружающих я почти не знал, как и они моего. Это правило повседневной жизни пройдёт со мной через всю командировку.

Вскоре в бункер ввалился обросший, немолодого вида мужик вполне себе обычной военной внешности околобомже-

ватого немытого окопного жителя. В ни фига не стандартном бронежилете, а в уменьшенном понторезном, похожим на натовский. Но на нём снаряга висела не для красоты или показухи, что у владельца много денег. У типа в броне стояли самые крутые плиты, которые на тот момент можно было достать. Причём ему их подогнали за то, что человек хороший. Бывает, сам через подобное пройду вскоре. Ну а пока мы с ним поручкались: чего-кого, как сам, откуда и куда, ну и прочие общие штуки. Чуть позднее я постепенно буду раскрывать его личность (в разумных пределах анонимности), чтобы вам было интереснее. Да и логичнее так, не за первые ж десять минут я человека узнал. А пока запомните, что звали его, допустим, Шалом.

Посидели, погоняли горячее. Точно помню, что я чаёвничал, а остальные скорее кофе пили. Наверное, больше всего я рассказывал, откуда приехал и чего умею. В общем стандартное раннее сонное утро, когда всем бы ещё спать и спать, но работа ждать не могла. Так что мы с Шаломом дочавкали и пошли на выход. Естественно, в бункере я скинул весь свой лишний шмурдяк[28], оставшись при автомате, броне, БК, гранатах и сумкой с «мавиком». Ещё какую-то еду с собой взяли и воды бутылку-другую. Так что потопали мы на запад с напарником/учителем/старичком мудрым/Шаломом относительно налегке.

---

[28] Интересное слово; обозначает в широком смысле всё имущество военного на войне. По идее только ненужное, но фактически – любое.

Выше я небольшую, как будто бы даже красивую зарисовку погоды и пейзажа дал. Ну где про «„буханка“ оставила в тумане», вот это вот всё. Забудьте. Чернозёмные поля на Украине с сентября по май – зло. Не абсолютное, типа страху нагоняет, убить пытается. А такое: вредное, мерзковато-безобидное (на первый взгляд). Пришёл мне на ум один пример: кто смотрел диснеевский мультик про Геркулеса вроде, там Аид был. Вот у меня почему-то ассоциация с этим Аидом такого зла. Хоть убейте – не знаю почему, мультик-то я смотрел давным-давно, но этот злодей сразу вспомнился. Такая жадная земля поедает тебя словно сытая корова траву. Очень медленно, целенаправленно, чавкая и прихлюпывая, но не до конца. Причём сразу, не размениваясь на обманчивые пейзажи и не обманывая. Начинает поглощать с первого шага.

Чернозём жирный, тяжёлый, цепляется за ноги, остается на обуви, подошве, волочётся за тобой, не отпускает. Иногда даже пытается разуть буквально. Особенно после сырых ночей. Про дожди я вообще молчу – в такие дни можно было по икры уйти и остаться без обуви на очередном шаге. А потом падаешь на колени, засовываешь руку по локоть в довольную, хлюпающую массу, пытаясь среди податливой жирной земли, стремящейся сомкнуться вокруг твоей руки, найти ботинок. В итоге достаёшь, конечно, чертыхаясь и злясь. Но ничего поделать не можешь. Это ж земля. Кому-кому, а ей твои беды абсолютно неинтересны.

Рядом же, по нехоженой траве, особо не потопаешь – в полях могли оставаться всякие неприятные штуки. Вполне себе полноценно ультимативно злые. Лежащие там для того, чтобы тебя убить. Правда, не деятельно, а поганенько-коварно, терпеливо ожидая твоих ошибок. Мины, неразорвавшиеся снаряды. Так что волей-неволей, а шагать ты будешь только там, где ездили/ходили до тебя, – по проторенным дорожкам. Если хочешь живым и с целыми ножками остаться, конечно.

Тут встаёт выбор – идти внутри посадки или по дороге рядом. И там, и там грязища, особо не разогнаться. В посадке безопаснее, потому что с воздуха не заметят. Я напоминаю – осень 22-го. FPV-дронов, «Баб-Яг» ещё нет, а «мавики» физически залететь глубоко не могут. По дороге же – быстрее, потому что идешь по прямой, не петляя меж деревьями. До места работы нам было порядка четырёх километров пешком, так что мы шли по дорогам, только на второй половине пути свернув в посадку.

Разговоры за то да сё продолжались. Выделю один запомнившийся момент – почти сразу Шалом сказал, чтобы я выкинул гранаты, ибо незачем. Одну только оставь, говорит. На самый крайний случай. Какой? Корректировщиков в плену никто не жалует, мягко говоря. Вот на такой. Ну а идём мы на природе: справа поле, слева деревья, куда кидать-то? Я ж ещё человек не совсем военный, не понимаю ничего. А он говорит: да прям в посадку и кидай. Я хоть и не сразу, но по-

бросал три эфки[29] под кусты, внутренне сопротивляясь тому, что я мусорю на природе. Это ж, блин, не обрывки упаковки от крекеров – это гранаты! Война начинала брать своё в мироощущении. Вот с таких в том числе безобидных мелочей люди тут и меняются. Потихоньку, незаметно, но неотвратимо.

Где-то на пути мне встретились первые мёртвые вэсэушники. Два тела лежали в стороне от тропы в начале очередной посадки. Я тогда у напарника поинтересовался, а чего они тут валяются, не убирает никто. Отдыхают ребята, говорит. Нормально так отдыхают, уже почернели на солнце. Так я впервые встретил врага. В связи с тем, что дальше трупы редко попадались или их не было вообще, в ходе разговора всплыла военная тема. Что, мол, мы их не столько убиваем, сколько просто выдавливаем, потому отходить успевают. Наверняка в тех посадках так и было. Но до них – в Кодеме и ещё раньше на ТЭС – противник сидел крепко и потери нёс немалые. Это то, что я слышал. А вот после, в Отрадовке, Опытном и дальше в посадках на западе, когда наша артиллерия стреляла уже по Бахмуту, я всё это видел и даже принимал непосредственное участие. За разговорами мы приближались к по-утреннему тихому фронту.

Последние два километра начинались уже сплошные позиции четвертого взвода – бывшие вэсэушные блиндажи и

[29] Ф-1. Оборонительная ручная граната с осколочной рубашкой. Внешне обычная овальная граната с квадратиками на корпусе.

окопы, ныне обжитые нашими штурмовиками. Тут я постепенно знакомился с людьми, по большей части такими же «кашниками»[30], как и я, только с более ранних привозов. Но особо мы не задерживались. Обычные житейские фронтовые разговоры: чего-как дела, что там впереди, много ли стреляют и прочие жили-были. Тут нужно добавить одну штуку, которую я тогда особо и не заметил. Несмотря на то что мы шли по относительно тихой посадке, по правую руку от нас (севернее по карте) соседний штурмовой отряд пытался пробиться в немаленькую деревню Зайцево, двигаясь по отросткам посадок, отходивших от нашей в сторону населённика. И если, когда мы утром шли, стояла относительная тишина, то позднее постоянная перестрелка с разрывами в том районе будет обычным фоном нашей работы.

Ну а пока мы добрались до первого знакомого Шалома. Звали его, например, Зима. Молдаванин по национальности и при этом штатный санинструктор взвода. Они с Шаломом хорошо знали друг друга, потому напротив его ямы мы подзадержались. Ну я так просто поручкался, представился, а мой учитель начал подкалывать Зиму. Мол, вот ты молдаванин, а окоп у тебя чего-то несерьёзный, не соответствуешь стереотипам. Справедливости ради, то была неправда. Яма Зиме досталась неплохая – почти готовая заготовка под небольшой блиндаж, хоть и неспособный противостоять прихотям погоды, потому что нормальной крыши не бы-

[30] Сотрудники компании, чей жетон начинался с буквы «К».

ло. Так, ветки да накиданная плёнка или что-то в этом роде. Позднее одной ночью, когда всю округу будет заливать мощный ливень, Зима, матерясь и вычерпывая воду, полностью оправдает стереотип про свою национальность. Ибо яма у него превратится в образцовое укрытие для человека на передовой после спонтанно проведённого ремонта. Увы, ненадолго.

Когда до конца посадки и врага оставалось полтора километра, мы подошли ко весьма примечательному перекрёстку. Сразу бросились в глаза следы ожесточённого боя – метров по десять в каждую сторону от пересечения асфальтового покрытия и просёлка не было никакой растительности вообще, но лишь горелая, серо-чёрная земля, мелкие остатки растительности и кустарника. Чуть дальше шли побитые, раскрошенные ураганами осколков лысые стволы деревьев. Мёртвое место, как оно есть. Идеальная локация для съёмки фильма ужасов для призыва чего-нибудь нехорошего. И это в ясный-то день!

На сам перекрёсток мы не пошли, это было чревато обнаружением со стороны Зайцева и попаданием под миномётный прилёт или обстрел со стрелковки. Так что заранее Шалом вышел из посадки на протоптанную через поле широкую тропу, огибающую перекрёсток с юга, по которой ходили все, кому надо было дальше на запад. Выйдя на дорожку через поле, мы были хотя бы чуть-чуть визуально прикрыты от Зайцева пожухлой полевой растительностью. Вроде бы

сухим подсолнечником, но я не уверен.

Так мы свернули на юг, в сторону Кодемы, и пошли по разбитой боями асфальтовой дороге вдоль зелёнки. Почти сразу мы завернули ещё к одним знакомым Шалома. В посадке среди деревьев и кустарника была хорошо замаскированная огневая позиция пацанов с четвёртого штурмового. Здесь меня познакомили с расчётом АГС[31], в котором работал неплохой специалист с позывным, например, Яша. Человек в бытность свою срочником с 82-мм миномётом спал, ел, бегал, прыгал, выстрелил под тысячу мин. Тогда почему его поставили на АГС, а не на миномёт, который во взводе тоже был? Скорее всего, из-за того, что «кашник». Поначалу же сразу на специалистов не брали, надо было в обязательном порядке через штурмовиков пройти. А АГС в силу дальности стрельбы всё же поближе к передовой находится. Но вскоре этот момент будет исправлен – Яшу сначала поставят на командира 82-го миномёта, потом вообще сделают начальником тяжёлого вооружения во взводе, ответственным за все расчёты четвёртого штурмового, а не только за миномётчиков. В дальнейшем я с ним не раз буду работать

[31] Автоматический гранатомёт станковый. Отличная штука для усиления огневой мощи пехотного соединения на тактическом уровне. Малая мощность выпускаемого боеприпаса компенсируется скорострельностью и накрываемой площадью. Подходит для решения множества прикладных задач как в обороне, так и в атаке. Посему в конторе был распространён повсеместно. В каждом взводе было минимум по одному АГСу в работе, но зачастую их количество переваливало за три расчёта, развёрнутых на ЛБС.

и пересекаться.

Минут через десять мы всё-таки пришли на нужное место – бетонный полукапонир на двух человек, привезённый в посадку на грузовике году эдак в 15–16-м. И почему-то смотрящий на запад. Впрочем, моих поверхностных познаний в фортификации хватает, чтобы я не сильно такому удивлялся, потому что укрепления строят по своей логике согласно плану. А значит, наш небольшой дот поставили сюда не забавы ради, а согласно общему замыслу всего укрепрайона.

Но в нём мы расположились не сразу. Сначала прошли дальше, потому что Шалому сказали про место поинтереснее. Таким «интересным» местом оказался небольшой окоп в той же посадке чуть южнее, только с сюрпризом: рядом с бруствером оказалось навалено несколько десятков тээмок[32], причём как раз со стороны противника в аккуратную пирамидальную кучку. Коллегиально было принято решение вернуться к бетонному полукапониру. Не без шуток, что место, конечно, хорошее, но со слишком мощным потенциалом. Не вывезем работу такую.

Помимо отсутствия кучи взрывчатки рядом, наш дотик был превосходно расположен. Входной проём смотрел к нам в тыл, а бойницы на север, юг и в сторону врага – на запад. Короче, защищены были порядочно от дежурных обстрелов. Перед нами лежало голое поле, постепенно уходящее вверх

[32] ТМ-62 – противотанковая (ПТ) советская мина с огромным (по сравнению с натовскими ПТ-минами) количеством взрывчатки.

и потом спускавшееся вниз, уже к противнику. Так что нас разделял естественный перепад высот, и наблюдать глазами мы могли только верхушки деревьев соседней посадки, занятой вэсэушниками. Что для корректировщика – благо. Невооруженный глаз оппонентов тебя не увидит, а вот твой вооруженный посмотрит на противников сверху, найдёт кого надо, да ещё и посчитает личный состав.

Внутри оказалось почти пусто. Вдоль левой стенки на полу лежал старый каремат, раскатанный тут кем-то очень давно. На него мы бросили вещи и разложили пожитки с рюкзаков, радиостанцию и рабочий инструмент – дроны. Там же по углам раскидали воду с едой. Подготовились к рабочему дню. На расчёт у нас было два вторых «мавика», семь аккумуляторов, две зарядные станции, два пульта, два автомата, с десяток магазинов, пара гранат, что-то сыпучее из сухпайка, бутылка-другая воды…

Если непрерывно летать, то заряда нам хватало в лучшем случае на полтора часа работы. А по факту – всего на час. Так что мы обычно тратили несколько аккумуляторов и дальше поднимались только по команде со стороны Лешего. И так до вечера. Работы в те дни как таковой не было в первую очередь из-за маленьких возможностей для полётов. Поэтому мы даже и не стреляли вроде с той посадки, не корректировали то есть. Потому что у хорошего корректировщика в хорошей организации стреляет не автомат, а орудие, с которым работаешь.

Здесь я впервые почти потерял дрон. В одном из первых полётов не рассчитал время до окончания заряда и начал сажать «птицу» недалеко от того перекрестка, где мы сворачивали на работу. Сигнал пропал на высоте пары метров от земли, но я успел заметить, что дрон приземляется буквально на углу в поле. Настораживали только мгновенная пропажа сигнала и прозвучавшие в момент посадки автоматные выстрелы. Впрочем, я на них внимания уже не особо обращал, потому что фронт «жил» вполне себе обыденно – прилёты и редкая стрелкотня окружали наш дот периодическим и в то же время почти постоянным гулом. Тем более наша посадка с севера на юг тянулась от Зайцева, занятого противником, до Кодемы, где уже были наши. И регулярно по зелёнке враг давал короткие очереди из крупнокалиберного пулемёта. Поначалу свист пуль, сбивающих ветки над головой, пугал, но вскоре приелся. К этому всему очень быстро привыкаешь, кстати. Потом уже тишина кажется чуждой и странной, таящей в себе опасность.

Ну, потерял дрон, значит, надо идти забирать, тем более возможность есть. Броник, каска, автомат, ну вы поняли, короче. Напарник остался в полукапонирчике со связью, я же потопал искать пропажу. Время было часов 10–11 утра, как мне помнится. Солнце знатно припекало, утренняя дымка рассеялась, жадная землица чуть подсохла и перестала пытаться забрать мои берцы. Но налипать толстым слоем на подошву – нет, такой роскоши я был лишен.

Дойдя почти до перекрестка, я глубоко выдохнул, опустил голову в землю и резко свернул в поле на восток – искать дрон, периодически останавливаясь, чтобы поднять голову и осмотреться. Надо ли напоминать, почему остальное время я смотрел под ноги? Бродил я так минут пять, пока меня не окликнули со стороны посадки у перекрестка. Неудивительно: таких дурачков, ходящих по открытке среди возможных мин и наверняка имеющихся неразорвавшихся боеприпасов, ещё поискать надо. Почти сразу кричавший мужик понял, что я ищу дрон, и буквально рукой показал мне, где он лежит – совсем близко к самому перекрёстку, на краю поля, где уже начиналась лысая выжженная земля.

«Мавик» оказался подбит. Пуля вошла сбоку, пробила аккумулятор на «спине» дрона навылет, не повредив корпус и платы с внутренностями. Так как произошло это на высоте пары метров над землей, то плюхнулся он достаточно мягко и даже не повредил камеру – повезло знатно. Лопасти тоже были целы, так что первое впечатление – полетает ещё.

Я, уже понимая, что произошло, потопал к этому мужику. Так же, не поднимая головы и тщательно осматривая землю под ногами. В небольшом окопчике-яме у края посадки, перед облысевшим от жесточайших боёв перекрёстком, на входе в подобие блиндажа состоялся тарантиновский диалог дроновода и штурмовика с группы подноса. Замечу, что в конторе штурма и подносы не отличались почти ничем. В любой момент одни меняли других. Да и большой вопрос,

кому тяжелее было тянуть ежедневную лямку. Подробнее про подносов сильно дальше, когда повествование дойдёт до истории про одного конкретного человека.

Перед последующим разговором необходимо пояснить: при взлёте мы докладывали о том, что сейчас появимся в воздухе, на КП Лешему по нашей станции и всем окружающим по взводной радейке. Таков был порядок вещей в отряде. Со связью во взводах всё было очень прилично, потому что на каждой позиции было минимум по одной «мотороле». В том числе и в этом окопе также стояла рабочая радиостанция. Так что все были предупреждены заранее. Собственно, диалог без мата и в сокращённом виде:

– На фига свой дрон сбили?

– А чё это он над полем висит, смотрит *на нас*?

– Предупреждали же, что летаем тут.

– Я не слышал.

…

– Вообще хохлы так снижаться на пять метров не будут, они на вас сверху смотрят с двухсот и более метров. Ты вэсэушный дрон на такой высоте не увидишь, да и не услышишь особо.

– Я тут уже два месяца, меня эти «птицы» задрали, потому стреляем во всё, что видим.

В дальнейшем такая позиция будет проблемой глобальной. Всех учили (да люди и сами к этому приходили), что сбивать надо любой увиденный дрон, не дожидаясь разби-

рательств, – свой или не свой. Тогда я этого ещё не понимал, потому и попытался объяснить, что снижаться в тылу у врага до земли никто не будет. Ибо незачем, да и связь пропадёт. На что услышал «я воени, парень офигени, мне виднее» и свернул свои попытки просветительской деятельности. Свернул надолго, аж до второй командировки, но об этом, возможно, сильно позже.

Напарник на эту историю лишь плечами пожал, выдал вечное «чего с людей взять» и махнул рукой. Мы продолжили куковать в дотике до вечера, периодически поднимая дрон и объективно страдая фигней. Хотя одну вещь важную всё-таки сделали. С помощью дрона Шалом провёл разведку вэсэушного укрепа западнее, через поле. Так называемый (надеюсь, не только мной) отрадовский укреп занимал немалую площадь, протянувшись километрами вырытых экскаваторами и другим тяжёлым транспортом окопов по огромному восточному склону долины, идущей с юга на север к Бахмуту. Помимо добротных, хорошо видимых с воздуха и на спутниковых картах траншей, там были ещё и такие же заметные открытые капониры для техники (конечно же, пустые на тот момент), и холмики блиндажей и бункеров. Позднее в этом укрепе я проведу немало времени, так что расскажу о нём уже изнутри, когда до этого дело дойдёт.

IV
Перелом

Есть ещё одна запомнившаяся история из первых дней работы с нашего дотика.

Зачем-то понадобилось сходить на мёртвый перекрёсток, вроде опять дрон не дотянули. Или передать/забрать что-то у кого-то. В любом случае пошёл я, так как ходить мне очень понравилось. Что спустя столько-то лет ничегонеделания неудивительно. Вообще одна из немногих полезных приобретенных штук по итогу моего пребывания в мёртвом доме.

Сделал, что нужно было, и собирался уже возвращаться обратно, когда мне навстречу попалась эвакуация – четверо типов на носилках несли пятого. Передо мной остановились и попросили помочь: нужно было заменить одного в край задолбавшегося человека. Я сказал, что не могу, надо дальше на работу топать. Но после фразы «тут 100–150 метров осталось» согласился без колебаний.

Пацаны отдышались секунд пять, поменяли руки, мы все взялись за носилки и очень быстро пошли. Было тяжело, и прошли мы немного подальше. Но я на это внимания не обратил, ибо откровенно пялился на раненого. Потому что, ещё когда они остановились напротив меня, я сразу посмотрел на лежачего. Ибо глаза отвести было невозможно. Боль-

ше всего запомнил расколотую сверху кое-как перемотанную голову и вытекающую с неё розовую массу с комками чего-то липкого на матерчатую ткань носилок. По цвету оно всё было как упаковка от старой жвачки «Дирол кидз». Если б мне не сказали, что человек ещё жив, я бы в жизни не поверил.

Помог донести до очередного куста, где пацаны по команде остановились и опустили раненого на землю. После чего оставил группу эвакуации у посадки и поспешно потопал обратно, обрабатывая увиденную картину. И только когда удалился от них шагов на двадцать, понял, насколько тяжело нести неподвижного человека даже вчетвером. А точнее, вспомнил глубоко забытое, потому что разок на срочной службе тем же самым занимался. Только на учениях с ненастоящим раненым. И тогда меня вымотало физически. Сейчас же тяжесть в руках была далеко не на первом плане. Но в целом как-то нормально переварил, для первого раза очень даже неплохо. Тем не менее те носилки, пропитывающиеся розовой кашицей, я запомнил очень хорошо.

Не дойдя метров ста до перекрестка, мои размышления о человеческой жизни на войне прервал короткий свист и стремительный разрыв минометного прилёта впереди в посадке. Это был первый обстрел, который проходил непосредственно рядом со мной. Так что я, как обычно бывает в первые разы, между умным (чему учили) и тупым (по наитию) решением выбрал что-то посередине. А именно: идти вперед

не прекратил и в посадку не свернул переждать, но подошёл к краю дороги, где между ней и посадкой тянулся неглубокий овражек.

В таких обстоятельствах мне крупно повезло в первый раз. Так сказать, вопрос решился парой шагов не туда или парой секунд заминки не там. Если следующий прилет упал без звона сверху куда-то в поле на расстоянии, то третий зазвучал совершенно по-другому. Резкий свист навалился концентрированно, приобретя какую-то тяжесть и плотность, возрастая с каждым мгновением. Я мгновенно понял, что эта мина – моя. Вряд ли сработали рефлексы – откуда им взяться в первые дни? Наверное, инстинкт какой, хотя я даже подумать что-то успел. Упал не просто в канаву между посадкой и дорогой, но прыгнул рыбкой чуть вперед, где под несколькими сухими ветками на дне была небольшая воронка от предыдущих обстрелов.

Броник и каска проломили ветки, вогнав меня в воронку и порядочно припечатав в тёплую землю. При этом я ещё и рефлекторно свернулся в позу эмбриона. Где-то в этот момент нарастающий тягучий свист оборвался близким, чуть оглушившим разрывом. Возможно, это была первая лёгкая контузия, но вряд ли. Не буду придумывать про то, чего не помню, но острое визжание просвистевших над головой осколков я услышал и запомнил чётко.

Броник и каска проломили ветки, вогнав меня в воронку и порядочно припечатав в тёплую землю. При этом я ещё и рефлекторно свернулся в позу эмбриона

Мина упала в нескольких метрах дальше по центру дороги, обдав меня упругой волной тёплого воздуха и комьями падающей сверху земли. Я достал радейку, поедая нахлынувший адреналин вёдрами. Заметил, что таки поцарапал шею, пока летел сквозь ветки, и вышел на напарника:

– Шалом, я тут подзадержусь немного.

– Да я слышу, понял уже. Нормально всё?

– Да, отдохну чуток, полежу.

Первый обстрел я переварил. Тем страннее окажется моё поведение через пару недель, когда я уже буду немного научен войной. Тогда напарник буквально спасёт нас обоих из-за того, что я никак не среагировал на опасность.

Полежал я минут десять, вслушиваясь в накатившую тишину с ниоткуда взявшимся интересом. Убедился, что обстрел закончился, поднялся, отряхнулся от веток. Покрутил головой, увидел чёрно-серый блин разрыва на дороге в нескольких шагах от меня. Достал здоровенный сук сзади из-под бронежилета, настырно давящий в спину, и пошёл дальше. Показалось, будто едкий запах пороха почуял мимолётом. Но это уже воображение скорее.

Обратно добрался без происшествий, изредка пригибая голову от свистящих поверху пуль крупнокалиберного вэс-

эушного пулемёта, стоявшего на окраине Зайцева и периодически гвоздящего посадку навесом. Кстати, ни разу не слышал, чтобы этот пулемётчик кого-то действительно задел, но в тонусе держал всех изрядно, конечно.

– Ну что, с почином! – встретил меня Шалом, не отрываясь от пульта.

– Ага, зашибись, блин, почин.

Навряд ли такой диалог был, но что-то похожее на обсуждение обстрела и переноски раненого мы точно пережёвывали. А вообще, отпустило меня ещё на дне воронки. Адреналин как-то быстро переварился, да и страшно особо не было по итогу. Так я на деле выяснил, что могу спокойно переживать близкие разрывы без паники и спонтанной беготни. В дальнейшем это подтвердилось.

Остаток дня прошёл спокойно, и под вечер мы собрались и тронулись в обратный путь. Как я уже говорил, на тот момент аккумуляторов у нас в сумке лежало кот наплакал. А ночных дронов в те времена ещё не то что у нас – у противника почти не было. Я сейчас про малые коммерческие коптеры. По большим «птицам» ничего сказать не могу, потому что в нашем отряде первая «зала»[33] с возможностью ночных полетов появится зимой 22–23-го. Ночные «мавики» начнут массово попадать в загребущие руки вагнеровских коррек-

[33] ZALA чё-то там. Большой БПЛА на электрической тяге с офигенной камерой. Частый поставщик весёлых видосов с фабификацией укрепов ВСУ в околовоенные ТГ-каналы.

тировщиков примерно тогда же.

Ну а пока мы шли на восток, согреваемые прощальными лучами уставшего солнца. Помнится, очень хотелось помыться, хоть я и не вымок особо тогда. Скорее всего, нервное, не уверен. Всё-таки в один день и под обстрел попасть, и на содержимое черепушки человека глянуть – впечатлений достаточно для появления чего-то нервного. Потому по приходе я взял две бутылки воды и попробовал как-то нелепо вымыться у входа в бункер. На что был сразу же отчитан, что страдаю фигней и вообще палюсь, стоя на открытке. Да и воду бутилированную выливать – почти преступление.

И это все было абсолютной правдой. Но также и правдой являлось то, что мне необходимо было помыться. Я бы тут мог сказать что-нибудь литературно-художественно-пафосное, например: «Смыть с себя переживания этого долгого дня». Но нет, я просто очень хотел помыться. И тогда я полноценно открыл для себя влажные салфетки. Вообще на данную тему не высказывался только ленивый. Что влажные салфетки стали лучшим изобретением человечества с точки зрения солдата на войне. И это полностью оправданное утверждение. Они совмещают столько полезных функций, связанных с гигиеной, что сейчас на фронте распространены повсеместно. Вообще, я подозреваю, что производители салфеток знатно так озолотились после начала СВО. Как и заводы, выпускающие энергетики, к слову.

Ночь прошла спокойно, если не считать дождя на улице.

Но нас это никак не коснулось, к счастью. Спал я как убитый (вообще это очень быстро войдет в полезную привычку), так что о ночной непогоде узнал уже на следующее утро, когда мы вышли из блиндажа на работу после утреннего ритуала распития чая/кофе.

Так пройдут следующие три недели моей жизни. Пожалуй, самые значимые для нынешнего мировоззрения три недели: вечером попытки помыться, с утра чего-нибудь попить или пожевать да порция утреннего воздуха, охлаждающего лёгкие. И ежедневная работа. Слишком серое слово для того, что порой происходило. Но другого не будет. Три недели перелома, взросления, привыкания, акклиматизации, вхождения в **новую жизнь**. Назовите, как хотите. И окажетесь правы.

Третий рабочий день не принес ничего принципиального нового в мои впечатления. Очередные жирные порции адреналина и другой биохимии я хапану позднее. А вот знакомства и интересные разговоры случились и тогда.

Вообще, сейчас, вспоминая задним числом, выходит очень интересно: первые именно рабочие дни у меня получились весьма концентрированными на персональные события и новые впечатления. То есть вы понимаете, даже ничего выдумывать для красного словца не нужно и вспоминать того, чего не было. Вот «свезло» же.

В этот день к обеду, когда мы отлетали три или четыре аккумулятора, я присел на уши напарнику с давно оформив-

шейся в моей голове настырной мыслью: на хрена нам ходить за четыре километра по посадкам и полям, если южнее нас по карте, в полутора километрах по относительно целому асфальту, расположилась Кодема. А в ней – наши миномётчики, у которых по-любому есть работающий генератор, где можно зарядить аккумуляторы, а то и вообще ночевать. Эту тему я поднимал потихоньку и раньше, плавно прощупывая почву. Но именно тогда решил, что нужно предпринимать деятельные усилия для упрощения процесса работы. И повышения личного комфорта, конечно, куда же без этого. Ведь я всерьёз рассчитывал на то, что миномётчики разрешат ночевать у них.

Не в бетонном бункере в земле, а в деревне доме. Эта идея затесалась в моей голове после того, как я убедился в разговоре с Шаломом, что нам ни у кого спрашивать разрешения на своё перемещение не нужно. Если работе не помешает – пожалуйста, хоть в голом поле ночуйте. А тут не то что не помешает, но и эффективность свою повысим. Ведь ходить от деревни гораздо меньше и быстрее. Дорога-то – асфальтовая, и всего полтора километра. А значит, можно ходить заряжать аккумуляторы посреди дня, увеличивая общее время работы в целом.

Более того, когда Шалом по радейке начал выходить на миномётчиков, оказалось, что одним из расчётов командовал его знакомый. Правда, не помню почему, может, не было на месте этого знакомого, но в гости нас позвал соседний

расчёт. А конкретно в тот момент на радейке сидел товарищ с позывным Роллтон, например. Который подтвердил догадку насчёт работающего дырчика[34] и пригласил заходить в любое время. Я уже обрадованный собрался было топать заряжать часть аккумуляторов, когда мы поняли, что зарядки-то с собой не брали за ненадобностью. Расстроившись по поводу того, что разведку деревенских удобств провести сейчас не удастся, я вышел по радейке на Роллтона и спросил, нет ли у них, случайно, базы для подзарядки аккумуляторов от второго «мавика», особо не рассчитывая на чудо. Потому что ну откуда у миномётного расчёта могла быть база для зарядки аккумуляторов?

Вы не поверите, да и я сначала не поверил и офигел, но база была. Оставив напарника в одиночестве в нашем дотике на случай поступления команды на взлёт, я чуть ли не бегом бросился в Кодему, взяв с собой разряженные аккумуляторы. Полтора километра по асфальту я прошел весьма бодро, чуть ли не подпрыгивая от предвкушения, минут за десять. Это был один из тех моментов, когда чувствуешь, что будто бы управляешь реальностью и тебя прёт неимоверно. Отчего всё даётся очень легко и физически, и морально.

Посадка уходила на юг вдоль старой дороги, которую в паре мест перегораживали одиночные поваленные деревья. Занесенная посечёнными ветками и листьями и изредка разбитая прямыми попаданиями, дорога постепенно спускалась

[34] Дизельный/бензиновый генератор на военно-разговорном.

вниз. Сбоку сплошной стеной тянулись почти целые деревья и кустарник. Ярчайший контраст с облысевшей, выжженной мертвечиной перекрестка на севере. Спустя минуты две приятной прогулки ощущение нахождения на войне куда-то делось. Солнце, почти тишина, лёгкий ветер и редкие птицы в листве. Казалось бы, разница в полкилометра, а дорога ощущалась уже совсем по-другому.

По пути попалась вертикальная стела, приветствующая путников. Постсоветская разруха, пожирающая всё, до чего дотягивались её жадные руки, не пощадила и этот одинокий рукотворный объект. Что странно, потому что сама деревня была достаточно богатой. Уж чего-чего, а приветственные инфраструктурные штуки, даже сугубо декоративные, администрация могла бы и в порядке поддерживать.

Спустя несколько минут тихой дороги меж двумя посадками я вышел к деревне. Кодема предстала передо мной побитым войной немаленьким населённым пунктом. Большое количество крепких домов из кирпича или камня предопределили судьбу этого населённика как места жестоких боёв с применением большого количества артиллерии и тяжёлого вооружения. Потому что автоматами и гранатами людей из прочных домов выкуривать тяжело. Почти все здания были отмечены следами прошедшего сражения. Но именно разрушенных хозяйств встречалось не так много. Как я уже сказал, большинство построек были очень крепкими.

Дорога спускалась к Кодеме плавно, по некрутому скло-

ну. Нужный двор нашел сразу, так как мне скинули точку в альпине[35]. По ней ходить, даже по ориентирам, сфотографированным спутниками сверху, – одно удовольствие. Не буду лукавить – мне нужен был первый двор по правой стороне на въезде в деревню. Так что даже при большом желании заблудиться было бы проблематично. Да и как-то быстро выяснилось, что с ориентацией на местности у меня не так уж и плохо. Особенно с альпиной на телефоне.

[35] Сленговое сокращение AlpenQuest'a, повсеместно используемое армейским людом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.